

*Архимандрит ИОАНН (Маслов),
магистр богословия*

Оптинский старец ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ и его эпистолярное наследие

ВВЕДЕНИЕ

С самого начала существования Церкви Христовой прослеживается тесная связь между духовным руководством и внутренним состоянием христианства. Всегда периоды расцвета и упадка духовной жизни были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства.

Духовное руководство, несомненно, берет свое начало от святых апостолов. Святой апостол Иаков заповедует всем христианам: «Исповедайте убо друг другу согрешения и молитесь друг за друга, яко да исцелеете» (Иак. 5, 16). Эти слова апостола свидетельствуют о том, что каждому христианину, шествующему по пути к жизни вечной, нужен советник, который помогал бы ему безбедно пройти тернистое поприще земной жизни и достичь Царствия Небесного. «Спасение есть во мнозе совете», — подтверждает ту же мысль священный автор книги Притчей (11, 14).

Но особенно большое значение духовное руководство приобрело в среде монашествующих; здесь оно выдвигается на первый план и называется старчеством. Старчество есть духовный дар, который апостол Павел называет «даром рассуждения» (1 Кор. 12, 10). Оно выражается в духовном руководстве пасомых на пути спасения и требует от носителя этого дара мудрого и любвеобильного попечения о вверившихся ему душах. Сущность старчества заключается в том, что из среды братии обители избирается один опытный в духовно-аскетической жизни инок, обладающий даром рассуждения, который становится руководителем, духовным отцом, старцем всей монашеской общины. Во всякое время к нему добровольно идут ученики, раскрывают пред ним свою душу, помыслы, желания и поступки, испрашивая его советов и благословения. Они полностью отказываются от своей воли, беспрекословно, без размышлений повинуются старцу и выполняют все его указания¹. Это старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуту уныния, малодушия и сомнения, служит верным покровом от вражеских бурь всем, кто прибегает к его мощному содействию.

Духовное руководство процветало во всех древних обителях. Сам основатель монашества преподобный Антоний Великий придавал духовному руководству в жизни монаха весьма большое значение. Он пишет: «Монах должен откровенно сказывать старцам, сколько он делает шагов, или сколько пьет капель воды в своей келлии, чтобы как-нибудь не погрешить и в этом. Я знаю монахов, которые после многих трудов пали потому, что понадеялись на свои дела и презрели заповедь Того, Кто сказал: „...Вопроси отца твоего, и возвестит тебе“ (Втор. 32, 7)»².

Многие святые отцы и подвижники последующих веков также подчеркивали важность старчества в жизни инока и мирянина. Св. Василий Великий, например, пишет: «Каждый из подчиненных (братьев в обители), если хочет оказать значительный успех (в иноческой жизни) и привести жизнь свою в состояние, согласное с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, должен ни одного душевного своего движения не оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, но тайны сердечные обнажать пред теми из братьев, кому поручено прилагать милосердное и сострадательное попечение о немощных»³. Великий учитель монахов — преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Как корабль, имеющий искусного кормчего, при Божием содействии благополучно входит в пристань, так и душа, имеющая доброго руководителя, удобно восходит на небо, хотя бы раньше и повинна была во многом зле. Как идущий по неизвестному пути без путеводаителя легко может заблудиться на нем, хотя бы был сам и очень умен, так и тот, кто по своей воле и разумению хочет пройти монашеский путь, легко погибнет, хотя бы и знал премудрость всего мира»⁴. О необходимости духовного руководителя-старца учат также преподобные: авва Дорофей, Варсонофий Великий, Феодор Студит, Симеон, Новый Богослов, Каллист, Игнатий, Кассиан Римлянин, Феодор Эдесский и другие, а из наших русских подвижников — святитель Феофан, затворник Вышенский.

В Россию старчество пришло с Востока, можно сказать, со времени принятия христианства. Преподобный Антоний Печерский, положивший начало своего иноческого пути на Афоне, несомненно, был одним из насадителей духовного руководства в России, которое в среде русского монашества процветало в течение нескольких веков. Однако ко времени преподобного Нила Сорского (XV в.) старчество, из-за ослабления духовной жизни, крайне оскудело в монастырях. Восстановителем его (во второй половине XVIII в) явился преподобный схиархимандрит Паисий Величковский — настоятель Нямецкого монастыря в Молдавии. Со временем его многочисленные ученики разошлись по многим российским монастырям и возродили здесь духовную жизнь на началах старческого руководства.

В XIX в. центром этой новой жизни была Оптина пустынь⁵. Начало духовному руководству в этой обители положил иеросхимонах Лев (Леонид), который был учеником ученика преподобного Паисия — схимонаха Феодора⁶. Он явился родоначальником замечательной плеяды оптинских старцев. Одним из выдающихся представителей этой плеяды был ныне прославляемый во святых — преподобный иеросхимонах Амвросий.

Часть I. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ

1. Детство, годы учебы, преподавательская деятельность

Великий русский старец иеросхимонах Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков) родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица, Тамбовской губернии. Его отец, Михаил Федорович, был сельским дьячком. Мать, Марфа Николаевна, занималась воспитанием своих детей, которых в семье было восемь⁷. Родители были людьми глубоко религиозными и благочестивыми. О матери своей старец всегда говорил, что она была святой жизни⁸. Хотя Александр рос веселым и резвым мальчиком, все воспитание его проходило в строго религиозном направлении. Юному отроку старались привить любовь к чтению слова Божия, которое было основой всей жизни этой благочестивой семьи. Каждый праздник отец брал его с собой в церковь, где он вместе с родителем читал и пел на клиросе.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, родители определили его в первый класс Тамбовского духовного училища, по окончании которого в 1830 г. он поступил в Тамбовскую Духовную Семинарию. И в училище, и в Семинарии благодаря природной одаренности Александр Гренков учился очень хорошо. Больше всего Александр любил Священное Писание, богословские, исторические и словесные науки. Не подлежит сомнению, что собственно богословские науки, духовно-нравственное чтение, а также богослужение особенно были дороги сердцу благочестивого юноши. Именно в это время и были заложены основные начатки того глубокого знания слова Божия и святоотеческих творений, которым так отличался старец в своей последующей жизни.

В Семинарии Александр благодаря своему живому и доброму характеру пользовался большой любовью среди однокурсников. Но, будучи веселым и остроумным юношей, он всегда сохранял нравственную чистоту и скромность, внутреннюю собранность духа и глубокое религиозное чувство. Даровитый юноша любил музыку, поэзию и даже пытался писать стихи.

Кто мог предположить, смотря на этого юношу, мечтавшего о поступлении на военную службу, что его ждал монастырь? Он сам говорил: «В монастырь я не думал никогда идти... впрочем, другие почему-то предрекли мне, что я буду в монастыре»⁹. Но мысли человеческие не те, что мысли Божии. «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23). За год до окончания курса Семинарии Александр очень серьезно заболел. «Все отчаялись в моем выздоровлении, — рассказывал он впоследствии, — мало надеялся и я сам. Послали да духовником. Он долго не ехал. Я сказал: „Прощай, Божий свет!“»¹⁰. И тут же Александр дал обещание Господу, что в случае выздоровления он непременно пойдет в монастырь¹¹.

Юноша выздоровел, но исполнить обет сразу не имел возможности: ни начальство, ни родители не отпустили бы его в монастырь до окончания курса занятий. А год, проведенный в привычном товарищеском кругу, ослабил его намерение. По окончании Семинарии в 1836 г. Александр не решился сразу постричься в монахи: в душе его происходила острая внутренняя борьба между принятым решением и сознанием необходимости порвать связь с привлекательными сторонами жизни в миру. Перед 23-летним юношей открывалось несколько жизненных дорог. Он мог пойти в Духовную Академию, мог стать священником и отдать пастырской деятельности или пойти в университет, куда в то время шло много семинаристов. Вместе с тем совесть постоянно обличала его за неисполнение данного им обета, но он не находил еще в себе мужества твердо стать на путь монашества. Поэтому Александр решил избрать для себя такое общественное положение, в котором он имел бы возможность исполнить свое обещание. В это время один помещик предложил Гренкову быть учителем его детей. Александр с радостью соглашается на это предложение. Двухлетнее пребывание в доме помещика имело большое

значение для его будущей деятельности как духовного руководителя не только монашествующих, но и мирян, ибо здесь он впервые познакомился со светским обществом, что значительно расширило его жизненный опыт. Здесь у него начинает проявляться заботливое попечение о людях и умение направлять их волю в сторону добра.

В марте 1838 г. в Липецком духовном училище освободилось место преподавателя, и Александр Михайлович занял эту должность. Здесь он проявил себя как хороший преподаватель, добрый и вместе с тем строгий наставник. К нему искренне были расположены сослуживцы; кажется, жизнь его протекала ровно и безмятежно, но на самом деле было не так. Внутренний голос не давал ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительней становились укору совести. Временами Александр Михайлович продолжал развлекаться в кругу молодежи, но и в разгар веселья он чувствовал какое-то внутреннее неудовлетворение. Внутренний голос упрекал его за пустое времяпрепровождение; неотступная дума о данном когда-то обете о монашестве не покидала его сердце. Лишь в молитве находил он некоторое облегчение. На казенной квартире, где жил Александр Михайлович, у него была икона Божией Матери «Тамбовская» — родительское благословение. И перед этой иконой он часто ночью молил Небесную Утешительницу упредить путь его жизни. Избегая насмешек соседей по квартире, он стал уходить молиться на чердак, а потом за город в лес.

Уединенная пламенная молитва все более укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Бога все более овладевало его сердцем, становилось для него все сладостнее, все ближе¹². Тем не менее Александр Михайлович все еще медлил исполнить свое обещание. Его волновал вопрос: «Пригоден ли он для избираемого пути? Не берет ли он на себя легкомысленно непосильное бремя и сможет ли он его понести? Серьезно ли его решение? Не впадает ли в самообольщение?»¹³ Он сознавал всю важность решения, которое складывалось в его душе, но твердости воли, чтобы исполнить его, еще не было. Тщательно скрывая от всех свое душевное состояние, он ожидал определенного указания и поддержки свыше. Поддержку эту он нашел в лице Троекуровского затворника Иларiona, которого он посетил летом 1839 г. Старец принял его ласково и после того, как Александр Михайлович изложил ему свои думы и чувства, ответил: «Иди в Оптину», добавив многозначительные слова: «Ты там нужен»¹⁴.

Но и после этого Александр Михайлович не решался привести в исполнение свое намерение. Он отправился в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы у гробницы Преподобного Сергия в горячей молитве испросить благословение на новую трудную жизнь. И когда он увидел перед собой места, которые некогда были покрыты дремучим лесом и которые были свидетелями уединенных молитвенных подвигов Преподобного Сергия, его душу охватило неизъяснимое чувство умиления. Ведь ему были так понятны эти подвиги, они были так желательны для его благоговеющего сердца! С трепетом и горячей молитвой припал он к мошам великого молитвенника земли Русской, испрашивая себе благословения и помощи. Глубокий внутренний мир и спокойная решимость снизились в душу его в этом священном месте¹⁵, Александр Михайлович с грустью покидал святую обитель. Теперь его намерение определилось окончательно, и все же самостоятельно он не мог покинуть мир; необходим был какой-то внешний толчок, последний зов Божий. Поэтому по окончании летних каникул он вернулся в Липецк и приступил к занятиям в училище. «Легко совершается оставление мира людьми, созданными так, что мир не имеет для них цены, — говорит Е. Поселянин, — такими, как Преподобный Сергий, как старец Серафим, с детства призванные, отмеченные перстом Божиим. Но как невыразимо трудно заклятие себя в жертву Богу людьми, которые не меньше первых любят Бога и желали бы знать в жизни Его Одного..., но которые вместе с тем множеством связей любовно и крепко привязаны к миру и постигли лучшие стороны жизни, которым в жизни хорошо, как в родной стихии, им не чуждой...»¹⁶.

Вскоре после начала занятий Александр Михайлович был приглашен в гости к одним знакомым. Своими сентливыми словами он развеселил и привел в восторг всех присутствовавших. В благодушном настроении гости разошлись по домам, но для Гренкова настала мучительная ночь: его чрезмерная веселость казалась ему тяжким преступлением. «Он понял тут, что в миру ему не совладеть с собой, и в полноте ощутил на себе слова о том, что нельзя работать двум господам, Богу и миру. Он вспомнил обет, данный им в минуту тяжелой болезни и совет старца Иларiona, вспомнил свои пламенные молитвы в ночной тиши, вспомнил предчувствие какого-то громадного захватывающего счастья, которое он пережил на месте, где спасался некогда Преподобный Сергий»¹⁷. А внутренний голос властно говорил ему: «Будет! Пора положить всему конец! Нельзя служить и Богу и мамоне (Мф. 6, 24). Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецело прилепиться к Единому Богу! Надо бросить мир!»¹⁸. Поддав в себе все сомнения, он сделал окончательный выбор между миром и монастырем в пользу последнего и через несколько дней тайно, не говоря никому ни слова, направился в Оптину пустынь, куда и прибыл 8 октября 1839 г.¹⁹.

2. Прохождение послушаний в Оптиной пустыни и скиту

Духовный руководитель оптинской братии старец схиархимандрит Лев с любовью принял Александра Михайловича, со вниманием и участием выслушал его и благословил предварительно пожить на гостинном дворе. Живя здесь, Александр Михайлович ежедневно посещал старца, слушал его наставления, а в свободное время, по его поручению, переводил с новогреческого рукопись «Грешных спасение». Работа над этой рукописью принесла ему много пользы: она познакомила его с наукой о духовной жизни.

В это же время начинаются его довольно длительные «бумажные дела», связанные с освобождением его от должности преподавателя духовного училища и определением в монастырь. Внезапное исчезновение Александра Михайловича из училища произвело много шума, и смотритель училища долго не решался возбудить этот вопрос перед начальством. Когда он узнал о местопребывании Александра Михайловича, то послал отцу настоятелю Оптиной пустыни формальное отношение, в котором просил подтвердить, что Гренков находится в его обители. По благословению старцев Льва и Макария Александр Михайлович написал ответ смотрителю училища и прошение Пресвященному Арсению, епископу Тамбовскому²⁰, в которых просил прощения за самовольность и высказывал свое намерение поступить в монастырь.

Введенская Оптина пустынь. Вид с западной стороны

После переписки между тамбовским и калужским епархиальным начальством и запроса в Оптину пустынь о согласии принять учителя Гренкова в обитель Александр Михайлович был вызван настоятелем отцом игуменом Моисеем и неожиданно поставлен перед необходимостью дать решительный ответ о своем намерении поступить в монастырь. Он выразил желание остаться в монастыре. 2 апреля 1840 г. согласно указу Калужской духовной консистории Александр Михайлович Гренков был зачислен в братию Оптиной пустыни. К тому времени он, по благословению старца Льва, перешел с гостинного двора в монастырь, оставаясь в одежде мирянина. Теперь, по получении указа, его одевают в подрясник и назначают на послушание. Некоторое время он был келейником старца Льва, затем трудился в хлебопекарне²¹.

В ноябре 1840 г. послушник Александр Гренков переводится из монастыря в скит, где прожил «около 50 лет, до самого своего последнего отъезда в Шамордино летом 1890 года»²². Видя его стремление к строгой духовной жизни, старцы Лев и Макарий решили, что ему полезнее жить здесь в более безмолвном месте, под непосредственным руководством старца Макария. Но и после перехода в скит послушник Александр продолжал ради душевной пользы ходить к старцу Льву. В скиту послушник Александр исполнял обязанности помощника повара. Черная и трудная кухонная работа не смутила бывшего преподавателя духовного училища. «Молодой послушник, уже понявший цену беспрекословного послушания богумуд-

рым старцам, не стал рассуждать, что послушание не по нем, не по его силам..., а принял назначение старцев со смирением, как из уст Самого Господа»²³. Он старался в то время, по ставлению старцев, более внимать себе: избегал близких знакомств с кем бы то ни было, выходя из келлии лишь в церковь, на молитвенное правило, на послушания, да к старцам.

Поварская работа занимала у молодого послушника большую часть дня. Поэтому ему мало приходилось бывать на богослужениях, но это приучало его к внутренней молитве во всякое время и везде. «Молитва Иисусова часто бывала на его устах, когда его руки были заняты житейскими работами»²⁴.

Послушник Александр имел возможность постоянного общения со старцем о. Макарием, что очень поддерживало и радовало его душу. «Как в то время Господь ко мне был милостив, — пишет он. — Старцу приходилось мне по послушанию ходить каждый день, да и в день-то побываешь не один раз: то сходишь (как к начальнику скита) благословиться насчет кушаний, то ударять к трапезе»²⁵. При этих посещениях послушник Александр рассказывал старцу о своем душевном состоянии. Поэтому его жизнь протекала без особых духовных волнений, и если были искушения, то благодаря своевременной исповеди и мудрым советам старца они легко побеждались, после чего в душе послушника восстанавливался мир и спокойствие.

Мудрые старцы Лев и Макарий старались, по выражению св. Иоанна Лествичника, «изыскивать случаи для приобретения подвижающимися в деле спасения братьями венцов терпения»²⁶. Таким же образом они поступали и с начинающим монашеский путь послушником Александром. Однажды старец Лев надел ему на голову в присутствии многочисленного народа шапку одной монахини²⁷. Этим прозорливый старец указывал на будущую его заботливость о монахинях, но в тот момент молодому послушнику стоять в женской шапке среди народа было не очень приятно. В другой раз старец грозно отчитал его в присутствии лучших его друзей по духовному училищу. Иногда старец не обращался к нему даже по имени, а просто называл «химерой». «Таким-то горьким опытом, — свидетельствует архимандрит Агапит, — такую-то дорогой, кровавой ценой мало-помалу стяжевал о. Александр боголюбивую добродетель смирения, и, так сказать, закаливался в терпении скорбей, которые нередко приходилось ему переносить от искренно любившего его старца о. Льва»²⁸. Испытания смирения и воли послушника давали хорошие плоды. Старец часто говорил о нем в его отсутствие: «Великий будет человек»²⁹.

Но недолго пришлось юному подвижнику находиться под духовным окормлением мудрого старца: 11 октября 1841 г. о. Лев отошел в вечные обители. Но скорбь послушника Александра не была безутешна, потому что остался другой духовно близкий человек — о. Макарий. Незадолго до смерти о. Лев, прозревая в своем любимом молодом послушнике Александре будущего великого старца, поручил его особенному попечению своего сотанника — старца о. Макария. Сам отец Амвросий об этом вспоминал так: «Покойный старец тогда призвал к себе батюшку о. Макария и говорит ему: вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уж очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, — владей им, как знаешь»³⁰. Александр предал себя руководству старца Макария еще раньше, после перевода в скит, а теперь он всецело возлюбил его и служил ему так же усердно, как и о. Льву. Старцу нравился скромный и расторопный ученый послушник, и он назначил его своим келейником. Как пишет один биограф преподобного Амвросия, послушник Александр, находясь у «основания старчества», Промыслом Божиим подготавливался к своему будущему служению. Он помогал старцу, как некогда и о. Льву, в обширной переписке с лицами, просившими духовных советов и назиданий. В дальнейшем он стал помощником старца в духовном окормлении братии и посетителем.

Келейником о. Макария он пробыл четыре года. Для Александра Гренкова это были годы духовного возрастания, постижения основ монашеского делания.

3. Пострижение и служение в священном сане

Еще летом 1841 г. послушник Александр был пострижен в рясофор³¹, а через год, по представлению своего начальника и согласно разрешению Св. Синода, 29 ноября 1842 г. был пострижен в мантию и наречен Амвросием, во имя св. Амвросия, епископа Медиоланского³². В это время ему исполнилось 30 лет, из них три года он провел в Оптиной пустыни. Через два месяца, 4 февраля 1843 г., о. Амвросий был рукоположен в иеродиакона, а 9 декабря 1845 г. — в иеромонаха³³.

Сам о. Амвросий считал себя недостойным диаконского сана, а тем более священства. Живя около старцев, он видел, что священнослужитель не только исполнитель священств действий, но и пастырь овец словесных. Пример старцев показывал всю сложность и ответственность этого подвига. Но не трудности пугали о. Амвросия, а сознание недостойности совершать это высокое служение. Свои мысли он высказывал старцам, которые давали утешительные наставления и советовали ему во всем полагаться на Промысл и милосердие Божие.

Однако о. Амвросию недолго суждено было приносить Господу Бескровную Жертву. С первых дней после посвящения его постигла болезнь (простуда и постоянное недомогание), которая со временем навсегда лишила его возможности совершать Божественную литургию. 17 сентября 1846 г. он заболел так серьезно и пришел в такое изнеможение, что 26 октября во время утрени был особорован и приобщен Святых Тайн. В это время он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросий³⁴. Болезнь затягивалась, лечение не помогало, и в декабре 1847 г. он заявил, что желает остаться в обители за штатом. Только летом 1848 г., после почти двухлетней жестокой болезни, о. Амвросий стал выздоравливать и выходить на воздух.

Эта тяжелая и продолжительная болезнь была явным действием Промысла Божия и имела большое значение для его духовной жизни: она умерила живость его характера, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и побудила его лучше понять самого себя и человеческую природу³⁵. Несмотря на свои многочисленные болезни, о. Амвросий не только никогда не скорбел о них, но даже считал их необходимым средством воспитания души.

В это время, одновременно с помощью старцу Макарию в духовничестве, о. Амвросий вместе с другими учеными братьями занимался переводом святоотеческих писаний и подготовкой их к изданию. Эти труды продолжались вплоть до самой смерти неросхимонаха Макария (7 сентября 1860 г.). Были изданы писания преподобных отцов: Нила Сорского, Варсонофия Великого и Иоанна, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника, Исаака Сирина, аввы Фалассия и аввы Дорофея, всех изданий было шестнадцать.

Перевод этих святоотеческих писаний был сделан старцем Паисием Величковским, но для издания их требовалась еще значительная обработка. Какая требовалась глубина мысли и духовного опыта, чтобы составить примечания к писаниям святых отцов! И несомненно, что труд над этими писаниями явился для о. Амвросия как бы школой систематического изучения аскетической литературы под руководством умудренного большим духовным опытом неросхимонаха Макария.

Внешняя обстановка жизни о. Амвросия в этот период оставалась такой же простой, как и в первые годы. В кельни его по-прежнему царил полная нищета. В переднем углу стояло несколько икон. Около двери висели ряса и подрясник с мантией. На кровати лежали холщовый, набитый соломой тюфяк и такая же подушка. Под койкой была корзинка, которая, вероятно, служила ему вместо сундука. В употреблении пищи о. Амвросий, как и прежде, соблюдал крайнее воздержание³⁶. И во всем он хранил полное послушание старцу Макарию. «Казалось, что у о. Амвросия не было своей воли в распоряжении даже келейными мелочными вещами, а во всем воля старца, и во всем давался им отчет старцу о. Макарию»³⁷. Вся иноческая жизнь о. Амвросия, протекавшая под окормлением мудрых старцев, шла ровно, без особых преткновений.

Оказывая старцу Макарию значительную помощь в его переписке, о. Амвросий воспринял многое из его старческой мудрости. Многие письма, приходившие на имя о. Макария, о. Амвросий тоже читал. Ответы писались или под диктовку о. Макария или непосредственно самим о. Амвросием. Все это способствовало тому, что он основательным образом познавал человеческую душу с ее тайными изгибами, с ее немощами и силами, учился любить страдущего человека до самопожертвования.

С 1846 г. старец Макарий благословлял некоторым из братьев обращаться за духовными советами к о. Амвросию. Наставления о. Амвросий преподавал не от своего мудрования, а непременно на основе учения святых отцов. Для этого он обычно раскрывал книгу того или другого отца, находил, сообразно с устройством пришедшего брата, изречение, давал ему прочитать и затем спрашивал, как брат понимает его. Если кто не понимал прочитанного, старец мудро разъяснял содержание святоотеческого изречения своими словами. Но очень часто самыми простыми словами он поучал братию находить внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукоренинии, ибо сам опытно убедился в спасительности этих действий.

Старец Макарий знакомил о. Амвросия с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, искавшими духовного окормления, и благословлял вести с ними душеполезные беседы в хибарке, примыкавшей к кельни старца с внешней стороны скитской огады.

Так постепенно о. Амвросий Промыслом Божиим через постоянное духовное руководство старца Макария, внимательное изучение святоотеческих творений, но более всего через постоянный личный подвиг молитвы и непрерывного внимания к себе готовился к великому делу старчества.

4. Начало старческого служения

7 сентября 1860 года Господь благоволил отозвать из земной жизни в вечное упокоение старца Макария. Но насельники Оптиной пустыни и ее посетители не были оставлены без духовного вождя. Вместо старца Макария Промыслом Божиим поставляется на это великое служение о. Амвросий.

Вначале он был мало кому известен как духовный руководитель. К тому же и годами он был не стар: всего 48 лет. Поэтому, кроме тех, кому о. Макарий еще при своей жизни поручил обращаться к о. Амвросию, никто не пользовался его духовными советами. Монашеские руково- дители, а также многие из посетителей монастыря не могли сразу избрать постоянного руко- водителя. Но не мог остаться незамеченным тот, кто имел такое же любвеобильное сердце, как и старец Макарий. Господь благоволил поставить этот горящий светильник на подсвеч- нике, который бы освещал и показывал путь истинной христианской жизни. И действительно, свет его стал видим настолько, что к нему начали стекаться люди со всех уголков России. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. Сколько людей он привел к Богу свои- ми благодатными советами и сострадательной любовью! Он жил жизнью других, радовался их радостями и печалился их печальями.

Отец Амвросий, как истинный пастырь, знал, что там, в ищущем Бога мире, много ал- чущих и жаждущих слова Божия, любви и веры. Поэтому он и любил этот мир и отдал ему всю свою жизнь. С особой отеческой любовью принимал старец тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье и не знал, каким путем идти в жизни. Он принимал также и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Христовой Церкви. Он твердо верил, что все страдания мира, как бы ни были они сильны, жестоки и изощренны, не могут победить Божественной любви, в лучах которой исчезает всякое стра- дание и уныние. Сколько утешения, успокоения и отрады вливали в души скорбящих и обремененных людей благодатные наставления, беседы и молитвы любвеобильного старца! Его беседы были преисполнены глубокого смирения; они согрели и охладевшие сердца, от- крывали душевные очи, просвещали разум, призывали людей к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению; они покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину.

Словом — вот чем служил миру старец Амвросий. Его слово горело огнем неотразимого благодатного убеждения; оно согревало теплотой любви каждое сердце, несло всем мир и счастье. Старец, подобно апостолам, звал всех к жизни небесной; он каждого призывал стя- жать нетленное богатство Богосынства, соделаться наследником Царствия Божия. Ис- полняя волю Небесного Учителя, он учил людей ежедневно, до последней минуты своей жиз- ни, непрестанно вздыхал за них в молитвах. Самоотверженная любовь к людям была яр- кой характерной чертой преподобного Амвросия. Эта любовь побуждала его заботиться о каждой душе христианской, скорбящей и озлобленной.

Подвиг его любви к ближним изумлял современников, но сам старец в глубоком смире- нии постоянно укорял себя в «ничегонеделании» и просил молиться о том, чтобы Господь не вменил ему в вину его «неделательное глаголение»³⁸. Он и подвиг старчества принял на себя, нисколько не считая себя достойным этого ответственного служения, но лишь испол- няя волю Божию. Первые он узрел ее в словах старца Макария, сказанных незадолго до его кончины: «Будешь жить в хибарке по ту сторону ворот, и смотри — вот тебе мой завет — никого из приходящих не оставляй без утешения»³⁹. По смирению отец Амвросий вступил на путь старчества, со смирением шел по нему до последних дней жизни.

5. Внешний образ жизни старца Амвросия

После кончины старца Макария отец Амвросий перешел жить в домик, который нахо- дился справа от святых ворот скита; коридором он разделялся на две половины: в одной — келлия старца, келлия его послушника и маленькая кухня, в другой — помещение, где он принимал почетных гостей, и келлия второго послушника. Вход в скит лицам женского пола был запрещен, но расположение домика близ ограды дало возможность построить между домом и оградой помещение с отдельным входом с наружной стороны скита. Старец назы- вал это помещение «хибаркой», и служила она для приема посетителям. Во всех помеще- ниях домика старца и хибарки имелось много икон. В частности, в келлии старца находи- лись икона Нерукотворенного образа Спаса, иконы Божией Матери: Тамбовская (родитель- ское благословение), «Скоропослушница», Киево-Печерская с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием и икона св. великомученика Пантелеимона. Здесь же на стенах ви- сели портреты выдающихся духовных лиц: митрополитов Филарета Московского и Филаре- та Киевского, Вышенского затворника епископа Феофана, Троекуровского затворника Ила- риона, протоиерея Феодора Александровича Голубинского, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, оптинских старцев: неросхимонаха Леонида, неросхимонаха Макария, архимандрита Моисея и другие портреты. Обстановка келлии о. Амвросия отличалась строгой простотой. Кроме койки, был еще аналой в виде шкафчика с необходимыми книгами для вычитывания правил, стол-контровка, где писарь писал диктуемые старцем письма, шкаф со святоотече- ской литературой, два старинных кресла для почетных гостей и несколько стульев.

Повседневная жизнь о. Амвросия начиналась с келейного правила. Для слушания пра-

вила старец вставал в четыре часа. По его звонку приходили келейники и прочитывали утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час. Отдохнув немного, старец слушал третий, шестой и девятый часы, изобразительны, а также канон (в зависимости от дня) с акафистом Спасителю или Божией Матери¹⁰. Вечернее молитвенное правило состояло из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. По окончании правила старец испрашивал у предстоящих прощения¹¹, после чего они брали у него благословение и расходились по келлиям. Как видно, правило было несколько даже меньше обычного монашеского правила, но необходимо учесть, что о. Амвросий нес тяжелый крест болезней и подвиг служения народу. Целый день дверь его келлии была открыта, и сотни лиц шли к нему, чтобы исповедать свои грехи, получить духовное утешение, вразумление, разрешение житейских вопросов. И это каждый день в течение более тридцати лет. Измученный, усталый, старец возвращался в келлию и вместо отдыха слушал краткое правило.

Помимо того, о. Амвросий нес тяжкий крест болезней. В 1871 г. из-за кровотечений, связанных с геморроем, старец настолько обессилел, что долгое время был вынужден передвигаться с помощью келейников¹². К тому же он был очень чувствителен к перемене температуры и при небольших изменениях быстро простужался. Старец сам говорил: «Жару и холод равно не выношу. В меру только один семнадцатый градус, а выше и ниже дурно влияет»¹³. В зимнее время даже в келлии старец часто получал сильную простуду от одного холодного воздуха, когда посетители, не обогревшись, входили к нему прямо с улицы¹⁴. Старец страдал также расстройством желудка, так что даже небольшое количество пищи (обычно старец съедал не более, чем может съесть трехлетний ребенок)¹⁵ вызывало у него рвоту. В одном из писем он писал: «Болезненные прижимки во всем теле есть, и от холоду и от невольного голоду. Много вещей есть, да многое нельзя есть. Слабый желудок и неисправные кишки не позволяют. Впрочем, по старой привычке, я все-таки понуждаюсь есть, хотя после и приходится большую тяготу понести от головной боли и от рвотной доли»¹⁶. Старца мучила также потливость, по причине которой он часто менял белье и носки. В довершение всего чувствовалась постоянная слабость и тяжесть хоть малое время стоять на ногах¹⁷. Все эти недуги лишали старца возможности совершать Божественную литургию, о чем он очень скорбел. Доктора, которые по просьбе лиц, любивших старца, навещали его, всегда говорили, что его болезни особенные. «Если бы вы спрашивали меня о простом больном, — говорил один из них, — я бы сказал, что остается полчася жизни, а он, может быть, проживет и год»¹⁸. Старец существовал Благодатью. Он не отказывался от медицинской помощи. У себя в келлии он имел полочку, заставленную разными лекарствами¹⁹, но всю надежду возлагал на Господа и Его Пречистую Матерь.

Во время тяжелых болезней, по просьбе старца, в его келлии служились молебны перед чудотворными иконами Божией Матери, которые приносились по этому случаю из других мест. Так, в 1871 г., когда старец особенно тяжело страдал, из Козельска приносились чудотворная икона Божией Матери Ахтырская, из Мещевского Георгиевского монастыря — икона «Всех скорбящих Радосте»²⁰, из села Калуженки — Калуженская²¹. По заказу почитателей старца, на Афоне была написана и доставлена в его келлию икона св. великомученика Пантелеимона²², молитвы перед которой доставляли ему значительное облегчение. И часто болезнь старца, подолгу беспокоившая его и не уступавшая никаким врачебным средствам, в таких случаях прекращалась. О том, как страдал старец, видно из его слов, которые однажды невольно вырвались у него: «Если я скажу иногда про свое здоровье, то только часть. А если б знали все, что я чувствую... Иногда так прижмет, что думаю пришел конец»²³. Старец терпеливо и со смирением переносил все испытания. Часто от него можно было слышать: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, так потерплю же и я»²⁴.

Только в молитве о. Амвросий находил утешение и поддержку своим крайне слабым силам. Но сам старец о своей молитве говорил так: «Вот в Глинской пустыни умер один старец, так у него часа три после смерти рука все перебирала четки. А я вот грешный и не знаю, когда только их перебирал. Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил»²⁵. Но как много свидетельств горячей, слезной молитвы старца Амвросия находим мы в его жизнеописании! Например, когда в его келлии отправлялся молебен с акафистом перед чтимой им келейной иконой Богоматери «Достойно есть», он умиленно взирал на благодатный лик Царицы Небесной и все видел, как слезы струились по его исхудалым ланитам²⁶. Когда он молился, все лицо его преображалось, и он погружался в созерцание неизреченной небесной славы. Один раз келейник старца, подходя к нему под благословение в конце утреннего правила, увидел лицо его святящимся. После он по своей простоте спросил старца: «Или вы, батюшка, видели какое видение?!» Отец Амвросий не сказал ему ни слова, только слегка стукнул его по голове рукой (это было знаком особенного старческого благоволения)²⁷. Старец всегда имел особое благоговение к Божией Матери как единой всемошной Престательнице и Заступнице рода христианского. Поэтому ни одного Богородичного праздника не пропускал он без того, чтобы не отправить пред Ее святой иконой келейного бдения.

Келлия старца Амвросия. Современный вид

Как истинный подвижник, старец Амвросий всегда чувствовал потребность молитвы, ибо только в молитвах он обретал необходимую духовную и телесную силу, нужную для его высокого старческого подвига. Ни одного своего решения старец не принимал без усердной молитвы и без ясного указания Божия. Одна Шамординская монахиня рассказывала, что о. Амвросий назначил ей трудное послушание в трапезной. Ссылаясь на свои слабые силы, она несколько раз просила освободить ее, но старец неожиданно сказал: «Ведь я же не сам тебе назначил это послушание, такова воля Царицы Небесной»⁵⁸. Для уединенной молитвы старец Амвросий иногда удалялся на монастырскую дачу, находившуюся в десяти верстах от монастыря, а когда усердием его почитателей была построена отдельная лесная келлия, он уезжал туда. Там его также осаждали посетители. И только ночью, когда спали те, кто приходил в его келлию со своими горестями и грехами, старец Амвросий, забывая себя, про-

стирал к небу руки и в слезной молитве просил милосердного Господа о ниспослании благодатного утешения и покоя в души его духовных чад. И тот факт, что в Оптину к старцу, забывая неудобства сложного тогда пути, съезжались представители всех сословий, свидетельствует, что молитва старца всегда была действенной.

6. Дары благодати

Только при таком духовном состоянии, которое воспитывается в человеке непрерывной внутренней борьбой, самоуничижением, скорбями и всякого рода испытаниями, возможно получение величайшего дара благодати — христианской любви, которая стоит в неразрывной и глубокой связи с христианской верой и сердечной молитвой. Этим даром был преисполнен старец Амвросий. Как следствие дара любви в нем явились другие обильные дары, а именно: духовное рассуждение, проникновение в души людей, прозорливость и исцеление духовных и телесных недугов. Для каждого приходящего в Оптину пустынь у старца находилось и ласковое слово, и мудрый совет. Незнакомых ему лиц он часто называл по имени, говорил их тайные грехи, исцелял больных от недугов прежде, чем они просили его об этом.

Вся сила духовного руководства о. Амвросия сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь ко спасению во Христе. Старец твердо верил, что первопричина душевного и телесного расстройства человека кроется в нарушении заповедей Христовых, и в качестве основного средства для исправления предлагал чистосердечное покаяние в грехах и приобщение Святых Тайн.

Отец Амвросий обладал всеобъемлющей опытностью, широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу не только в области духовной, но и житейской, применительно к данному лицу и данным обстоятельствам. Одному он советует, как усовершенствовать душу, другому — как вести хозяйство в обители, третьему — как направить дело в суде.

Дар проникновения в тайники душ человеческих у старца Амвросия удивлял многих и располагал сразу всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно. Одна молодая девушка много слышала от своей сестры о святости жизни о. Амвросия, но относилась к словам сестры с недоверием и даже с презрением, а старца называла «лицемером». Однажды, по просьбе сестры, она поехала в Оптину пустынь. Придя к старцу на общий прием, она стала позади всех у самой двери. Отец Амвросий, выйдя из своей келлии, помолился, посмотрел на всех, а затем обратил свой взор на Веру (так звали девушку) и сказал: «Что это за великан тут стоит? А, это — Вера пришла посмотреть лицемера!»⁵⁹ После такого обличения ее тайных мыслей и особенно после беседы со старцем она совершенно изменила свое мнение о нем, искренно возлюбила его, а впоследствии поступила в Шамординскую обитель⁶⁰. Именно таким образом старец многих наставлял на путь покаяния, нравственного очищения и смиренного перенесения жизненных испытаний.

Этот редкий дар прозорливости, который Господь дает некоторым праведным людям, очень часто проявлялся у отца Амвросия в период его старчества.

Провидя состояние душ своих посетителей, старец Амвросий знал и то, что приводило их к нему. Часто бывали случаи, когда приходший еще не успеет открыть свою нужду или скорбь, а старец дает уже ответ. Так, в 1891 г. одна монахиня написала старцу письмо, прося совета по некоторым вопросам. Дня через два она была у старца, и он на все пункты ее письма дал исчерпывающие ответы, вспоминая сам, что еще там написано. Монахиня ушла от старца утешенная и успокоенная, не подозревая, однако, какое чудо прозорливости старца совершилось над ней. Когда в октябре того же года старец скончался, через 6 недель при разборе его келейных бумаг нашли нераспечатанное письмо на его имя. Обратный адрес свидетельствовал, что это письмо той монахини⁶¹.

К старцу обращались также за исцелением от телесных болезней, но он по своему смирению, избегая человеческой славы, посылал больных к святым мощам или к чудотворным иконам, а иногда просто советовал принимать какую-либо лекарственную траву. Больные совершенно исцелялись от своих болезней, и, конечно, понимали, что не трава им помогла, а молитвы старца. Наиболее ярким свидетельством дара исцелений старца служит избавление, по его молитве, одного мальчика от тяжелой болезни уха, головы и челюстей. Сильные боли не давали покоя ему ни днем, ни ночью. Усилия врачей были бесплодны; силы мальчика постепенно слабели, и видна была его близкая кончина. Родители поспешили в Оптину пустынь к старцу Амвросию, прося его помощи и молитв. Сердце любвеобильного старца было чутко и отзывчиво к скорбям другого человека. Он готов был сам страдать за людей и всеми своими силами старался помочь страждущим. Успокаивая родителей мальчика, старец, как всегда, говорил: «Все пройдет, только молитесь»⁶². Получив известие из дома о критическом положении их сына, отец и мать хотели тотчас отправиться в дорогу, но старец посо-

ветовал им остаться, а на другой день, провожая их, сказал: «Не беспокойтесь и не огорчайтесь. Поезжайте с миром. Надеемся на милосердие Божие, и вы будете утешены. Молитесь Богу, молитесь Богу. Вы будете обрадованы»⁶³. Когда они прибыли на станцию, встречавшие сообщили, что больной чувствует себя все хуже. Какова же была их радость, когда, войдя в дом, они нашли своего сына на ногах! Это чудо заставило многих верить в благодатную силу старческих молитв. Были еще и другие, более поразительные случаи, когда старец Амвросий являлся некоторым, совершенно не знавшим его людям, исцелял их от болезней или предостерегал от какой-либо опасности. Так, однажды старец не во сне, а наяву явился совершенно незнакомой больной девушке, лежавшей в неизлечимой болезни три года. «Ты обманула угодника Божия Николая Чудотворца, — сказал он ей, — обещала съездить к нему помолиться и не исполнила, вот и лежишь теперь. Сними мерку с твоего роста, попроси, кто бы за тебя поставил ему свечку, заказанную в твой рост. Когда сгорит эта свеча, тогда и ты выздоровеешь»⁶⁴. И действительно, она полностью выздоровела, когда было выполнено это требование. Позже, будучи в гостях в одном доме, она увидела портрет о. Амвросия и признала в нем того старца, который явился ей⁶⁵.

Так служил миру преподобный Амвросий, ущедренный от Бога многоразличными дарованиями и проникнутый горячей любовью к страждущим людям.

7. Духовное окормление монашествующих и мирян

Старческое служение о. Амвросия началось с окормления братии Оптиной пустыни. Старец очень любил свою обитель и ее насельников. Каждый из братьев поверял старцу свою душу. Случалось ли какое искушение, возникало ли какое-либо недоумение, сомнение или уныние, инок шел к старцу, все рассказывал ему и получал утешение. Помимо келейного приема братии отец Амвросий, по примеру прежних старцев, практиковал также общее исповедание мыслей и дел. Хилый и больной, он выходил к братии, которая после вечернего правила сходилась к его келлии, садилась и начинал беседовать. Тут и совершалось общее, во всеуслышание, исповедание иноков: «Я вражду на такого-то, я возгордился тем-то, я то-то помыслил, я то-то сделал». Тут каждый получал и прощение, и наставление, и душевный мир⁶⁶.

Особенно внимателен и отечески попечителен был о. Амвросий к новым послушникам и к новоначальным монахам. Многие из них были обязаны своим поступлением в монастырь именно о. Амвросию⁶⁷. Хотя в Оптиной пустыни настоятельством о. Исаакий, но духовно главенствовал старец Амвросий. Он по-прежнему оставался «заштатным иеромонахом», но без его совета не предпринималось ничего сколько-нибудь важного, он поддерживал весь внутренний строй обители. В скиту на попечении старца находилось хозяйство и финансовая часть, потому что начальник скита иеросхимонах Анатолий, занимаая старчеством и умной молитвой, в которой, по отзыву о. Амвросия, достиг высокого совершенства, уклонялся от хозяйственных дел скита⁶⁸. Настоятель наряду с братией смиренно подчинялся его духовному водительству, открывая перед ним свои помыслы⁶⁹. Двери келлии и сердце старца Амвросия всегда были открыты для братии; каждый мог входить к нему в любое время без всякого доклада. Взаимные отношения старца с настоятелем и братией основывались на христианской любви и смирении. Старец относился к настоятелю с глубоким уважением и на более важные дела сам всегда спрашивал у него благословения. Отец Амвросий никогда не настаивал на своем мнении, но только подавал мудрые советы. Поэтому настоятель добровольно подчинялся воле старца. Впоследствии, когда старец скончался, о. Исаакий со скорбью говорил: «Двадцать девять лет провел я настоятелем при старце и скорбей не видел. Теперь же должно быть угодно Господу посетить меня грешного скорбями»⁷⁰.

Но служение старца не ограничивалось только монастырем. Этот подвижник был известен во многих уголках России. Как часто келейники о. Амвросия, уступая многочисленным просьбам посетителей доложить старцу о них, говорили ему: «Батюшка, вас ждут». «Кто там?» — спросит старец. «Московские, Вяземские, Тульские, Белевские, Каширские и прочие народы», — отвечают келейники⁷¹. Десятиминутного разговора со старцем ждали по несколько дней. Не хватало ямщиков для перегона между Оптиной и Калугой, а также номеров в оптинских гостиницах⁷².

Прием посетителей старец Амвросий начинал после утреннего чая — часов около 9—10. Но и до этого времени он не переставал заботиться о людях. Когда старец начинал умываться, келейники задавали вопросы: «Батюшка! Вот тот-то в таких-то обстоятельствах находится. Что ему благословите делать?» Или «Вот та-то просит благословения на такое-то дело; благословите или нет?». Отец Амвросий и свое дело делал, и отвечал на вопросы⁷³. Во время утреннего чая он диктовал письма. К этому времени собиралось довольно много посетителей. Надев сухое белье, старец выходил к ним в простой одежде послушника. В одном из жизнеописаний преподобного Амвросия говорится: «По виду батюшка о. Амвросий был бла-

гообразный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости сутуловат. Будучи с молодости очень красивым..., он и в старости не потерял приятности в своем лице, несмотря на его бледность и худобу. На голове спереди имел небольшую лысину, которая, впрочем, несколько его не безобразила и даже как будто шла к его лицу, а назад несколько прядей коротких темно-русых с проседью волос; на лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронзительные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные; борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная. Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело и тепло, без заботливого взора, который говорил, что вот-вот он сейчас для вас придумает и скажет что-нибудь очень полезное, также трудно представить его и без того оживления во всем — в движениях, в горящих глазах, с которым он вас выслушивал и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе»⁷⁴.

По выходе из келлии старец вначале проходил по коридору, где были мужчины. Одного он на ходу благословлял, другому говорил несколько слов, имевших же особенные нужды принимал в приемной келлии отдельно и занимался с ними более продолжительное время. Потом проходил в хибарку и там уже оставался надолго. Делая каждому наставления соответственно его духовным нуждам и духовному развитию, отец Амвросий вникал в положение каждого, обращавшегося к нему, давал наставления соответственно его духовным нуждам, личному характеру и склонностям, с любовью указывая лучший исход его дела. Все уходило от него утешенными и с облегченным сердцем. Богатый духовный опыт старца Амвросия позволял ему как бы читать мысли приходивших к нему, часто указывать на их сокровенные тайны и прикровенно обличать их. Если старец беседовал с кем-либо при народе, то он не имел обыкновения обличать прямо и резко, но поучал так искусно, что его обличение понятно было только тому, к кому оно относилось.

Познав на личном опыте спасительность смирения, старец стремился научить этому и своих духовных детей. На самый насущный вопрос каждого человека: «Как жить, чтобы спастись?» — старец давал такие шуточные ответы: «Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно»⁷⁵. Или «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». Или «Жить можно и в миру, только не на юр, а жить тихо»⁷⁶. «Мы должны, — говорил еще старец, — жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как ляжем на землю, так и встать не можем»⁷⁷. С первого взгляда простые и шуточные слова, но какой глубокий духовный смысл содержится в них!

Принимая посетителей, отец Амвросий беседовал с каждым в отдельности или выходил на общее благословение, сначала к мужчинам, а затем к женщинам⁷⁸. Все приходило к старцу, как к последнему пристанищу. Сколько раз сложные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя приветливыми, полными сердечного участия советами. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного, чтобы перед началом этого дела старец молча благословил их.

Но не все приходило к отцу Амвросию по делу. Некоторые только отнимали у него время и этим очень отягощали его. Он сам жаловался на таких посетителей в своих письмах: «Старость, слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение и многие бесполезные толки не дают мне и опомниться. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби много; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге. А ты все это слушай, да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься — обижаются и оскорбляются»⁷⁹. «Вот так мы день за днем и живем, — писал старец в одном из писем, — и несправедливыми слывем в приеме приходящих и приезжающих. А виновата моя немощь и несправедливость пред Богом и людьми»⁸⁰. Старец не только не скорбел о своей болезненности, но был в веселом настроении и даже шутил. Старец принимал посетителей до вечера, делая небольшие перерывы для приема пищи и малого отдыха. Иногда после обеда, когда старец был слаб, он принимал посетителей у себя в келлии, а после вечернего правила к нему приходила монастырская братия на ежедневное исповедание помыслов.

8. Старец Амвросий и интеллигенция второй половины XIX в.

Имя старца Амвросия было известно не только в среде простолудинов и рядового монашества, но и в среде высшего духовенства и в интеллигентских кругах. Так, Калужские епархиальные архиереи Григорий, Владимир, Анастасий при обзоре епархии неизменно посещали Оптину пустынь и старца Амвросия⁸¹. При встрече их старец был одет во все монашеские одежды, но неизменно держался обычной своей детской простоты. Особое почтение имел старец к архиепископу Григорию, о котором отзывался: «свят и умен»⁸². Он часто об-

Св. Преподобный Амвросий Оптинский

ращался к нему при решении наиболее важных вопросов относительно внешней и внутренней жизни обители. В свою очередь архиепископ Григорий в некоторых случаях прямо говорил: «Да это уже как сам старец решит, — я не беру этого на себя». Посещал старца и митрополит Московский (позже Киевский) Иоанникий⁸⁴. Преосвященный Вениамин, епископ Воронежский, приезжавший в Оптину еще при жизни отца Макария, однажды долго беседовал со старцем Амвросием и после этого всегда относился к нему с глубоким уважением⁸⁵. Отец Амвросий был известен и митрополиту Московскому Филарету, который еще в 1865 г. с одним бывшим в Москве оптинским монахом прислал старцу образ Нерукотворенного Спаса⁸⁶.

Кроме иерархов, отца Амвросия посещали и многие выдающиеся светские лица. Оптиной пустыню интересовали такие видные философы и писатели, как Вл. Соловьев, Шевырев, И. В. и П. В. Киреевские, М. П. Погодин и другие. Они часто посещали эту обитель, чтобы получить благословение от старцев и укрепить свои духовные силы. С благоговением эти люди изучали и описывали Оптину пустынь, в особенности внутренний строй ее жизни. И. В. Киреевский прямо говорил, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев⁸⁷.

Слушали беседы старца Амвросия и пользовались его духовными советами Н. В. Гоголь, А. П. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, К. Ф. М. Достоевскому, приезжавшему в Оптину после смерти любимого сына, старец отнесся с уважением и сказал о нем: «Это кающийся»⁸⁸. Иеросхимонах Иосиф пишет, что Достоевский и отец Амвросий подолгу беседовали «о многих насущных вопросах духовной жизни и спасения души. Вскоре затем появились в печати «Братья Карамазовы», написанные отчасти под впечатлением посещения им Оптиной пустыни и бесед с отцом Амвросием»⁸⁹.

К. Н. Леонтьев провел под непосредственным руководством старца Амвросия последние годы своей жизни, живя рядом с Оптиной пустыней, а за несколько дней до кончины старца, приняв тайный постриг, переехал в Сергиев Посад, где вскоре и скончался⁹⁰.

Вот как отзывался о старце Амвросии Л. Н. Толстой: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговоришь с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога»⁹¹. У старца Амвросия Л. Толстой был трижды: первый раз — в 1874 г., во второй раз пришел из Ясной Поляны пешком в крестьянской одежде со своим конторщиком и сельским учителем в 1881 или 1882 г., а в третий раз приехал со своей семьей в 1890 г.⁹² В этот раз Л. Толстой имел самую продолжительную беседу со старцем. Он отправился к отцу Амвросию после того, как у старца побывала его семья, очень довольная и утешенная его беседой. Известно, что в этой беседе отец Амвросий предлагал Л. Толстому принести публичное покаяние в своих заблуждениях⁹³. Выходя из келлии, Л. Толстой выразил свое впечатление о беседе со старцем такими словами: «Я растроган, я растроган». А о Амвросий в своей беседе с ним сказал: «При входе Толстого в мою келлию я благословил его, и он поцеловал мою руку. А когда стал прощаться, то, чтобы избежать благословения, поцеловал меня в щеку. Горд очень»⁹⁴.

Давая оценку посещениям писателями и философами старца Амвросия, В. В. Розанов пишет: «Благодаяние от него (о. Амвросия. — А. И.) духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимаются духом, только взирая на него... Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело»⁹⁵.

Имя старца Амвросия было известно даже за пределами России — на Афоне и на православном Востоке. К старцу непосредственно или письменно обращались лица других вероисповеданий. Так, в Оптину приезжал реформатский суперинтендант г. Москвы Карл Зедергольм⁹⁶. Его сын Константин, учившийся в Московском университете, подолгу беседовал с отцом Амвросием и наконец перешел в Православие, а затем принял монашество с именем Климент⁹⁷. В жизнеописании отца Амвросия приводятся имена многих других лиц, которые после бесед со старцем приняли Православие⁹⁸. По словам прот. С. Четверикова, преподобный Амвросий Оптинский явился в то время связующим звеном между образованным обществом, народом и Церковью⁹⁹.

9. Литературно-издательская деятельность Оптиной пустыни при старце Амвросии

Несмотря на увеличивавшийся поток посетителей и болезненное состояние, преподобный Амвросий занимался и литературно-издательской деятельностью, начавшейся еще при иеросхимонахе Макарии. Но если тогда издавалась только святоотеческая аскетическая литература, то при старце Амвросии стали издаваться еще и церковноисторические труды на-

сельников Оптиной пустыни. В 60—70-х гг. под руководством отца Амвросия и при деятельном участии отца Климента (Зедергольма), отца Леонида (Кавелина), отца Анатолия (Зерцалова), отца Агапита и других лиц были изданы следующие книги: 1) «Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария» (составленное архимандритом Леонидом Кавелиным); 2) Собрание писем отца Макария в шести томах; 3) новое издание «Творений преподобного аввы Доротея» (приготовленное к печати отцами Климентом и Антонием); 4) 12 слов преподобного Симеона Нового Богослова (в переводе тех же лиц); 5) «Жизнеописание игумена Антония» (составленное отцом Климентом); 6) «Преподобного отца нашего Феодора Студита огласительные поучения» (в русском переводе отцов Климента, Анатолия и Агапита); 7) Поучения преподобного Петра Дамаскина (в переводе отца Ювеналия); 8) «Жизнеописание старца Леонида» (составленное отцом Климентом); 9) «Описание Козельской Оптиной пустыни» (составленное отцом Леонидом); 10) «Царский путь креста Господня» (в переводе отца Климента); 11) «Жизнеописание архимандрита Моисея» (составленное отцом Ювеналием) и другие¹⁰⁰. Было издано также большое количество духовно-назидательных брошюр. Книги и брошюры всегда имелись у старца Амвросия, и он щедро наделял ими посетителей обители.

Говоря об издательской деятельности Оптиной пустыни, известный подвижник прошлого столетия, современный старца Амвросия, святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Все русское монашество обязано особенною благодарностью Оптиной пустыни за издание многих творений святых отцов... Перевод на русский язык монашеских отечественных писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удивительнее совершается братьями обители, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни»¹⁰¹.

10. Учреждение Шамординской общины и заботы старца Амвросия о ее благоустройстве

Предметом неустанных забот старца Амвросия было также попечение об одиноких женщинах, проводивших благотворную жизнь, но по своей бедности не имевших возможности поступить в монастырь, так как в то время при поступлении в монастырь нужно было купить для себя келлию, внести в обитель хотя бы малый вклад и содержать себя своими трудами или своими средствами. Иногда принимали в монастырь и без вышеуказанных требований, но лишь при условии, если женщина имела хорошее здоровье, при котором она могла бы нести любое монастырское послушание.

Отец Амвросий болел душой за всех больных, не имевших средств к существованию женщин, из которых многие были лишены даже пристанища. Старец проявлял о них неустанную заботу, всячески старался содействовать устройению женских обителей, привлекая к этому делу богатых лиц. Так, его заботами и стараниями были созданы: Предтеченская женская обитель в г. Кромь, Орловской губернии; в 1879 г. Ахтырская Гусевская — в Саратовской губернии; в 70-х гг., по его благословию, на средства благотворителей устроены женские общины Козельщанская — в Полтавской губернии и Николо-Тихвинская — в Воронежской¹⁰².

Однако эти женские обители не могли обеспечить приют всем обездоленным женщинам, обратившимся к отцу Амвросию за помощью. Постепенно у старца созрела мысль о создании такой обители, где могли бы приютиться и жить благочестиво, без нищеты, многие обездоленные женщины. Но как истинный последователь Христа он был далек от самочинных начинаний и ждал, когда Сам Господь благословит осуществить его заветный замысел. Вскоре Промыслом Божиим все обстоятельства стали складываться благоприятным образом для создания задуманной старцем обители. По просьбе некоего состоятельного человека, почитателя о. Амвросия, по благословию старца, одна монахиня, по имени Амвросия, имевшая раньше большое состояние и жившая с двумя внуками в Оптиной пустыни, приобрела имение около деревни Шамордино, в 12 километрах от монастыря. Затем, по совету старца, мать Амвросия купила также близлежащие дачи Рудное, Преображенское и Акатово. Весной 1881 г. мать Амвросия скончалась, а через два года почти одновременно умерли ее обе внучки¹⁰³.

Так по Промыслу Божию перед старцем Амвросием открылась возможность устройства новой обители. Еще до официального ее открытия стали строиться один корпус за другим, но желавших поступить в обитель было так много, что помещений оказывалось недостаточно. Первыми насельницами стали уже жившие здесь сестры-послушницы, находившиеся ранее при монахине Амвросии. Чаше всего старец принимал в устроаемую им общину вдов и сирот, находившихся в крайней бедности, а также всех страдающих какой-либо болезнью и не могущих найти в жизни ни утешения, ни пристанища. Приходили сюда также и молодые курсистки, искавшие смысл жизни, но более всего просились в общину простые крестьянки. Все

они составили одну тесную семью, объединенную любовью к своему старцу, который собрал их и отечески любил. Здесь же, в Шамордино, были устроены богадельня и приют для бедных девочек.

Первой настоятельницей общины отец Амвросий избрал свою духовную дочь Софию Михайловну Астафьеву, которая была самой преданной и деятельной его помощницей. Она принимала живое участие в устройстве юной общины. 4 сентября 1884 года старец Амвросий постриг ее в монашество и ходатайствовал перед архиереем утвердить монахиню Софию настоятельницей Шамординской обители.

1 октября 1884 года, в день праздника Покрова Божией Матери, в обители была освящена домовая церковь во имя Казанской иконы Божией Матери¹⁰⁴, по имени которой и сама обитель стала называться Казанской. Местночтимая Казанская икона была главной святыней храма. Так день освящения храма стал днем официального открытия обители. Но сам старец на открытии не присутствовал. Затворившись у себя в кельи, он целый день провел в усиленной молитве¹⁰⁵. Вновь открытая обитель, имевшая уже около 70 сестер, стала очень быстро расти. Производились новые постройки. Дело требовало огромных забот и средств. Все эти попечения легли на престарелого и болезненного старца, который всей душой отдавался этому делу. Сама мать София тоже неустанно трудилась с утра до вечера, руководя всеми монастырскими работами, а также строго следя за внутренней жизнью сестер. Но недолгими оказались ее напряженные труды: в январе 1888 г. она скончалась. По указанию старца управление обителью было поручено монахине Белевского Крестовоздвиженского монастыря Евфросинии (Розовой), которая также была одной из преданнейших послушниц отца Амвросия¹⁰⁶.

Заботами, трудами и молитвами преподобного старца и новой настоятельницы обитель постоянно росла, строительство не прекращалось, но количество поступающих все увеличивалось, и мест для них не хватало. Несмотря на это, старец принимал всех приходивших к нему. Громадные постройки требовали больших расходов, а наличными иногда оставалось всего несколько рублей. Но велика была вера старца и упование его на милость Божию. Не раз старцу говорили: «Батюшка, что же вы все больных и убогих принимаете, а чем содержать их будете?» Отец Амвросий на это отвечал: «Да на больных, да на убогих мне Бог больше посылает, а на здоровых и вовсе ничего не дает»¹⁰⁷.

Для непосредственного наблюдения за хозяйством основанной обители старец Амвросий приезжал в Шамордино ежегодно. Время пребывания старца в обители для сестер считалось светлым праздником. Старец посещал все корпуса, кельи, детский приют, богадельню, объезжал постройки и делал соответствующие указания. По-прежнему его осаждали многочисленные посетители, которым старец уделял все свободное время и для приема которых в обители построили специальную «хибарку». Проведя несколько дней в обители, духовно напитав ее насельниц, старец Амвросий возвращался в Оптину. Все сестры всегда с большой скорбью провожали своего духовного отца.

11. Последние дни жизни и блаженная кончина старца Амвросия

В начале июля 1890 г. старец Амвросий уехал в Шамордино. Пробыв здесь более двух недель, он стал собираться обратно в Оптину. В день отъезда в назначенное время все сестры собрались около кельи, где находился старец, желая проводить его и принять от него последнее благословение. Но старец все не выходил. День уже начал клониться к вечеру. Карету отправили назад и объявили сестрам, что батюшка плохо себя чувствует и отложил свой отъезд. Отдохнув за ночь, отец Амвросий намеревался покинуть Шамордино, но опять почувствовал себя плохо и не смог уехать. Через несколько дней, в которые он по-прежнему принимал посетителей и занимался монастырскими делами, отец Амвросий хотел опять уехать, но та же слабость в третий раз не позволила ему осуществить это намерение. Уразумев — после трехкратных неудавшихся попыток уехать из Шамордина — волю Божию пребывать ему в этой обители, старец уже более не пытался уехать отсюда. В Оптину он написал: «Я задержался здесь по особому промыслу Божию, а зачем, — это означится после»¹⁰⁸.

Среди почитателей старца ходили различные толки о причине его задержки. Многие осуждали его; но несомненно, что в это время старец был больше нужен Шамординской обители, чем Оптиной. Молодая, еще не устроенная в духовном и хозяйственном отношении Шамординская обитель нуждалась в постоянном окормлении старца, и он отдал ей последние дни своей жизни. С переселением старца Амвросия в Шамордино весь многочисленный поток посетителей направился в эту обитель. Посещая старца, многие влиятельные люди познакомились с Шамординской обителью и, видя любовь старца к ней, из уважения к отцу Амвросию становились усердными благотворителями обители, что крайне необходимо было для ее дальнейшего существования. Всю зиму старец ежедневно принимал посетителей, но заметно было,

что он постепенно слабел. Часто к вечеру он приходил в полное изнеможение и совершенно терял голос. В воскресные и праздничные дни в келлии старца совершали «бдения», для чего специально приезжал иеромонах из Оптиной пустыни. Первое время, когда старец имел больше сил, он сам во время бдения произносил возгласы и читал Евангелие. Один раз в две недели отец Амвросий причащался Святых Таин. Он постепенно угасал и все чаще прикровенно говорил окружающим о своей смерти. Когда на Новый год все сестры пришли к отцу Амвросию поздравить его и получить благословение, он вышел к ним, благословил всех, затем сел на диван и очень серьезно произнес начало стихотворения: «Лебедь на водах Меандра песнь последнюю поет...», а потом прибавил: «Лебедь на водах Шамордиандра песнь последнюю поет»¹⁰⁹. С особой радостью шамординские сестры встретили Святую Пасху: их любимый старец был с ними. Всю Светлую седмицу они пели в келлии у старца утреню, часы и вечерню. Батюшка пел вместе с сестрами, младенческая радость сияла на его лице. В пятницу на Светлой седмице, благодаря сестер за то утешение, которое они ему доставили, отец Амвросий ласково сказал им: «Спаси, Господи», а потом прибавил: «Будете вы вспоминать эту Святую»¹¹⁰.

Когда наступила теплая погода, отец Амвросий стал выезжать на место строительства жилых корпусов и детского приюта. Ни один важный вопрос хозяйственной, дисциплинарной и духовной жизни не решался в это время без совета мудрого старца. Непрестанные заботы лишали о. Амвросия последних сил. Многие из его близких говорили, что ему нужен полный покой и отдых, но старец на это отвечал со свойственным ему юмором, что покой для человека настанет только тогда, когда пропуют над ним «Со святыми упокой»¹¹¹.

Наступила осень 1891 г. 21 сентября, в субботу, как всегда, приехал иеромонах из Оптиной для совершения бдения в келлии старца, но в этот день он настолько ослаб, что не смог слушать службу; у него появился озноб. Тревожная весть, подобно молнии, облетела обитель и встревожила всех. Все понимали, что для старца, истощенного многими трудами, любая болезнь может быть очень опасна. На следующий день у отца Амвросия заболели уши; в течение нескольких дней боль усиливалась, и он почти совершенно потерял слух. В эти дни старец сказал одной из прислушивающихся ему сестер, что «это последнее испытание»¹¹². Болезнь постепенно прогрессировала; к боли в ушах прибавилась боль в голове и во всем теле. Встревоженная настоятельница послала телеграмму в Москву известному врачу с просьбой срочно приехать к больному старцу. 27 сентября нарыв в ухе отца Амвросия провалялся, и боль стала утихать. Вечером приехал доктор и успокоил всех, сказав, что болезнь не опасная. Старец действительно стал поправляться и даже принимал некоторых посетителей. Однако, к всеобщему огорчению, 4 октября головные боли у старца усилились, а к вечеру поднялся жар. Все следующие дни старец находился в лихорадочном состоянии. В редкие промежутки, когда отцу Амвросию становилось лучше, он делал распоряжения по обители, призывал некоторых лиц и беседовал с ними. Восьмого числа усилился жар, который иногда сменялся ознобом, временами большой бредил и впадал в забытие. Из скита были вызваны отец Анатолий, скитоначальник, и отец Иосиф, старший келейник старца. Весь день отец Амвросий был без сознания. Жар доходил до 40°. К вечеру было решено совершить над болящим таинство Елеосвящения, но он был настолько слаб, что окружающие сочли его уже умирающим, и отец Иосиф прочитал отходную; затем было совершенно Елеосвящение. Во время совершения таинства отец Амвросий был без сознания. После 12 часов жар стал постепенно спадать, и больной пришел в сознание. 9-го в шесть часов утра старец с большим трудом причастился Святых Таин. В этот день он не терял сознания, но был очень слаб. Когда к нему подошла матушка Евфросиния, он ласково посмотрел на нее и тихо произнес: «Плохо, мать»¹¹³.

В этот день к умирающему приехал проститься настоятель Оптиной пустыни отец Исаакий. Старец уже не мог говорить, но все-таки узнал отца настоятеля. Устремив на него глубокий пристальный взгляд, он поднял руку и снял шапочку; этим он выразил свое последнее приветствие своему горячо любимому настоятелю.

В последнюю ночь старец шептал молитву вплоть до утра; в 3 часа утра жар стал спадать, но вместе с тем последние силы начали оставлять старца. В 11 часов прочитали отходную молитву. Присутствующие могли заметить, как старец быстро взглянул налево и быстро же отвернулся, страдальчески скосив лицо как бы от испуга или острой боли. Правой рукой он будто отмахнулся, бросив ее к левому плечу, и, повернув голову вправо, просиял, лицо осветилось, и он чуть-чуть улыбнулся¹¹⁴. Лицо старца начало покрываться мертвенной бледностью. Дыхание становилось все реже. Вскоре он сильно вдохнул воздух; через несколько минут вдох повторился, после этого батюшка поднял правую руку, слабо перекрестился и вдохнул в третий и последний раз¹¹⁵. Все присутствующие в священной тишине и трепете стояли вокруг смертного одра великого старца-подвижника, а «святая душа его была уже далеко: она тихо отлетела в иной мир и предстала Престолу Всевышнего, в сиянии той любви, которой он полон был на земле»¹¹⁶.

Через несколько мгновений после кончины старца вся обитель погрузилась во всеобщий стон. Невозможно словом описать горе сестер, для которых старец Амвросий был единственной

духовной опорой. В этот же день было разослано множество телеграмм во все концы России с извещением о кончине старца. Была послана телеграмма и Калужскому епископу Виталию, но она застала его уже на дороге в Шамординскую обитель. Узнав о смерти отца Амвросия, Преосвященный произнес: «Теперь я вижу, что это старец меня пригласил на отпевание».

Сразу же после кончины старца в соседней комнате сестры начали читать Псалтирь по усопшему. 11 октября в Шамординской обители, Оптиной пустыни и многих других местах были отслужены заупокойные литургии. После литургии началось непрерывное служение панихид. В два часа дня гроб с телом почившего старца был перенесен из настоятельского корпуса в храм. Народ нескончаемой вереницей стал подходить к гробу, воздавая ему последнее целование. Многие приносили своих детей и прикладывали их ко гробу. Некоторые приносили платки, куски холста и разные вещи, прикладывали их к телу праведника и уносили с собой, как великую святыню.

Отпевание было назначено на 13 октября. К этому дню в обитель съехалось множество почитателей старца. Приехали многие настоятели и настоятельницы соседних монастырей, иеромонахи и священники соседних обителей и приходов, большинство из них были учениками покойного. В этот же день утром прибыл в обитель епископ Виталий. Он совершил в храме обители заупокойную литургию в сослужении многочисленного духовенства. После причастного стиха студент Московской Духовной Академии иеромонах Григорий (Борисоглебский) произнес слово, в котором раскрыл великое духовное значение старца Амвросия для русского монашества и всего русского народа. После литургии епископ Виталий в сослужении 30 священнослужителей совершил чин отпевания. Перед пением кондака «Со святыми упокой» студент МДА иеромонах Трифон (впоследствии митрополит Дмитровский) произнес краткое, но глубоко прочувствованное слово. После окончания отпевания началось трогательное прощание духовенства и множества народа с почившим старцем. Затем настоятельница в своих покоях предложила гостям поминальный обед, за которым присутствовало около 500 человек.

14 октября после заупокойной литургии гроб с телом старца был поднят сестрами обители, обнесен вокруг храма, и многочисленная процессия направилась в Оптину пустынь. «Настала ужасная, тяжелая минута, — пишет один из очевидцев, — дорогой, любвеобильный батюшка навсегда покидал свое любимое детище, на которое столько сил и труда было им положено. Его Шамордино видело в нем свое основание... С отчаянным взглядом следили они (сестры) за удаляющимся от их пределов гробом»¹¹⁷. Торжественно и необычайно умирительно происходило перенесение гроба с телом старца Амвросия. Похоронное шествие растянулось на целую версту. Множество народа окружало гроб. Шамординские сестры и оптинские монахи попеременно несли на руках носилки с гробом. Хоругви, зажженные свечи, колокольный звон, с которым встречали процессию в каждом селе, — все это напоминало скорее перенесение мощей, чем обычное погребение¹¹⁸.

В течение семи часов продолжалось перенесение тела почившего старца. Все это время почти непрерывно шел дождь и дул сильный ветер. Примечательно, что во время перенесения тела старца из Шамордина в Оптину свечи у гроба ни разу не погасли и даже не слышно было обычного треска горящих свечей от капель дождя. По мнению очевидцев, этим горением свечей в ненастную погоду Господь засвидетельствовал всем еще раз о святости жизни великого старца.

Недалеко от Оптиной пустыни похоронную процессию встретило все духовенство города Козельска с именитыми гражданами и множеством народа. Около пяти часов вечера величественная процессия подошла к Оптиной пустыни. Большой оптинский колокол густым, плавным звоном возвестил оптинцам о приближении их старца, более 50-ти лет подвизавшегося в этой обители. Навстречу похоронной процессии из ворот обители вышло все многочисленное оптинское братство во главе с двумя архимандритами, игуменами, иеромонахами и приезжим белым духовенством. Братия несли множество хоругвей и икон. «Величественное было зрелище, — пишет один из очевидцев — архимандрит Агапит, — когда перенесенный через мост гроб старца вносен был в ряды многочисленного сонма священнослужителей в блестящих облачениях, и несметные толпы народа с той и другой стороны соединились вместе».

Через северные врата гроб был вносен в обитель и затем в холодный Введенский собор, который был украшен по-праздничному и блистал от множества зажженных свечей и паникадил. После того, как гроб был установлен на середине храма, настоятель с несколькими иеромонахами отслужил панихиду. В это время в теплом Казанском храме началось торжественное заупокойное всенощное бдение. Всю ночь во Введенском храме служили панихиды, и народ во множестве стоял при гробе старца.

На следующий день, 15 октября, гроб был перенесен в Казанский храм. В 9 часов Преосвященный Виталий в сослужении старшей братии обители совершил Божественную литургию, в конце которой он произнес исполненную глубокой скорби о почившем старце речь. После литургии епископ Виталий в сослужении 40 священнослужителей отслужил пани-

хиду. После 9-й песни канона иеромонах Григорий (Борисоглебский) произнес краткое слово, в котором он высказал последние прощальные слова старцу от имени Московской Духовной Академии. Свое слово проповедник закончил земным поклоном усопшему.

После панихиды гроб с телом старца в преднесении хоругвей и икон, при печальном похоронном перезвоне и умирительном пении был перенесен братией к юго-восточной стене Введенского собора, где по совершении заупокойной литгии опущен в могилу рядом с часовней над могилой старца Макария — учителя отца Амвросия.

«...Вот появилась, наконец, новая свежая могила, в которой сокрыто драгоценное сокровище, сосуд Божией благодати, храм великой святой души — многотрудное тело старца иеромонаха, батюшки отца Амвросия!»¹¹⁹ — пишет один из его биографов.

Прошло уже около 100 лет после кончины старца Амвросия. Ушли из жизни все, кто видел его, но вера в то, что преподобный старец имеет великое дерзновение пред Престолом Божиим, сохраняется и доныне.

Назидательна жизнь преподобного Амвросия Оптинского, но не менее назидательно и письменное наследие, оставленное им. Множество писем старца Амвросия было собрано и опубликовано его почитателями после его смерти. Эти письма прекрасно отражают духовный образ великого старца, содержат множество мудрых наставлений и советов для боголюбивых мирян и монашествующих.

Часть II. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ

Общие сведения о письмах

Переписка старца Амвросия с его духовными детьми не прекращалась в течение всего периода окормления им своих пасомых. После кончины отца Амвросия его письма печатались в журнале «Душеполезное чтение» с 1892 по 1915 г. Оптиной пустынь были изданы сборники писем иеросхимонаха Амвросия.

Первое издание сборника писем к мирянам вышло в 1906 г. В сборник, помимо писем (в количестве 236), вошли также три сочинения старца Амвросия, написанные им при жизни иеросхимонаха Макария: 1) «Письмо, писанное от имени неизвестной монахини к ее дяде лютеранину. (Против лютеран)»; 2) «Ответ благосклонным к латинской церкви о несправедливом величании папистов мнимым достоинством их церкви. (Против католиков)»; 3) «О церковном поминовении христиан неправославных».

В 1908—1909 г. Оптина пустынь издает два сборника писем к монашествующим, содержащих 432 письма¹²⁰.

В 1912 г. протоиерей С. Четвериков в своем сочинении поместил неопубликованное до него письмо иеросхимонаха Амвросия к К. Н. Леонтьеву¹²¹.

Письма старца Амвросия раскрывают довольно полную картину духовной жизни человека, указывают высшую цель его стремлений и способы достижения этой цели. В основе их лежит Евангельское и святоотеческое учение.

Христианин может найти в письмах Оптинского старца исчерпывающий материал для духовного назидания, утешения и руководства, а также практические советы почти на все случаи жизни.

1. Учение о спасении по письмам старца Амвросия

В письмах преподобного Амвросия каждое слово направлено к одной цели — к спасению душ тех, кто обращается к нему. Спасение души есть не что иное, как очищение ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувств, подготовка ее к тому, чтобы она сделала храмом Духа Божия.

Бесконечно разнообразны характеры людей и условия их жизни, но, по мысли старца Амвросия, ни место, ни окружающая обстановка не могут повредить христианину в деле спасения, если он сам будет проявлять решимость добрыми делами угождать Богу. «...Во всяком месте и во всяком состоянии были и есть спасающиеся и погибающие, — пишет старец Амвросий, — и это происходит от нашего произволения. Если оставим свои хотения и разумения и потщимся исполнять хотения и разумения Божии, то во всяком месте и во всяком состоянии спасемся. А если будем держаться своих хотений и разумений, то никакое место, никакое состояние нам не помогут. Ева и в раю преступила заповедь Божию, а Иуде злощастному жизнь при Самом Спасителе не принесла никакой пользы. Везде потребно терпение и понуждение к благочестивой жизни»¹²².

Человек — свободное существо; по собственному произволению он может стать либо на сторону добра, либо на сторону зла. «...Насильно никого не приведешь ко спасению..., — пишет старец. — Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многими способами и вразумляет...»

Иеросхимонах Амвросий, указывая на необходимость усилий со стороны человека в деле спасения, основное значение в этом деле придавал действию Божественной благодати. Так, в письме к одной духовной дочери он говорит: «Напрасно и несправедливо ты думаешь, что дела делаются... без участия Промысла Божия. Кроме властей земных, на земле есть еще и Царь Небесный, Дух Святой, всем управляющий, к пользе нашей полезный, бесполезный отстраняющий»¹²³. Старец указывал, что действия благодати и воли человека находятся в тесном взаимодействии. «Дело нашего спасения, — пишет он, — зависит и от нашего произволения, и от Божией помощи и содействия. Но последнее не последует, если не предварит первое. С нашей стороны вся сила и важность сего дела состоит в благоволении, т. е. в благом изволении благоугождать Господу: тогда Сам Господь будет действовать и помогать нам в деле спасения нашего, по сказанному: «без Мене не можете творити ничесоже»¹²⁴.

В своих многочисленных поздравительных письмах старец часто раскрывал спасительный смысл пришествия в мир Господа Иисуса Христа, Его страданий и воскресения. «Творец видимого и невидимого мира, — пишет он в одном письме, — на земле явился странником, не имея где главы поклонити, и за грехи рода человеческого принес Себя в жертву Богу Отцу волевыми страданиями и крестной смертью»¹²⁵. Поэтому тот, кто стремится к спасению, по словам старца Амвросия, должен верить и надеяться, что получит «прощение грехов своих милосердием Божиим, заслугами Христа Спасителя, пришедшего призвать грешников на покаяние»¹²⁶.

Несомненно, что человек, стремящийся к спасению через веру в Иисуса Христа, должен принадлежать к Церкви Христовой. В одном из писем оптинский старец пишет, что вне Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви невозможно спасение¹²⁷.

Преподобный Амвросий, руководя своих пасомых на пути к спасению, неизменно указывал на исполнение заповедей Христовых как на самое необходимое условие для достижения Царствия Небесного. «На исполнение заповедей Божиих, — пишет старец, — должно понуждать себя и вопреки нехотению, так как в Евангелии сказано: нудится Царствие Божие и нуждницы восхищают е»¹²⁸. При этом он учил, что «цель... православных, при исполнении заповедей Божиих, — видеть свои недостатки, познавать свою немощь и через то достигать смирения, без которого все другие добродетели не помогут христианину»¹²⁹.

Из жизненного опыта старца Амвросий знал, что многие из ищущих спасения желали бы обрести его, но только безболезненным путем. Раскрывая в своих письмах такое ложное представление о безболезненном пути ко спасению, он писал: «По человеческому мнению, путь спасения, казалось бы, должен быть путь гладкий, тихий и мирный; а по Евангельскому слову, путь этот прискорбный, тесный и узкий. «Не приидох бо, глаголет Господь, воврещи мир на землю, но меч», дабы разлучить боголюбивых от сластолюбивых и смиренномудрых от миролюбивых. Вообще, спасение наше, по слову Петра Дамаскина, находится между страхом и надеждой, чтобы не иметь самонадеянности и не отчаиваться, а с благою надеждою и упованием на милость и помощь Божию стараться проводить жизнь во исполнении заповедей Божиих»¹³⁰. «Кто не имеет отрады здесь и переносит это терпеливо, — пишет старец в другом письме, — тот вполне может надеяться, что там, то есть в будущей жизни, получит отраду, великую и несказанную»¹³¹. И наоборот, те, которые желают в земной жизни жить радостно, подобно евангельскому богачу, не заботясь о своем спасении, по словам старца, «будут отосланы в муку»¹³², «а небо — для вечного блаженства достойных и непротивящихся слову Божию и покаившихся»¹³³.

Как на образец ревности, молитвенного подвига и безропотного перенесения искушений на пути к Царству Небесному преподобный Амвросий указывает на святых. «И о прежних святых пишется, — говорит он, — что они не просто вошли в вечный покой, но, по сказанному во псалмах, «приидохом сквозе огонь и воду, и извел ны еси в покой». Видно, иначе нельзя достигнуть оного покоя, как потерпеть, да подождать, да потрудиться о себе и о других, так как без любви к ближнему невозможно спастись»¹³⁴.

2. О покаянии

Преподобный Амвросий, в основу своей жизни положивший покаяние и отсечение своей воли, учил приобретению этой важнейшей добродетели и своих пасомых. «Если мы не можем, по немощи, жить благочестиво, — пишет он в одном из писем, — то, по крайней мере, позаботимся и постараемся всегда приносить искреннее раскаяние в своей несправности»¹³⁵. Одна женщина писала старцу, «что лучше не грешить, чем каяться». На это он отвечал: «Не гре-

шить хорошо, а согрешившему похвально покаяться. Если удержишься на первом — хорошо; а не удержавшись, другого средства нет умилоустивить Бога... Богу приятнее грешник кающийся, чем человек не согрешивший, но превозносящийся. Лучше согрешивши покаяться, нежели, не согрешая, гордиться этим»¹³⁶.

Утешая своих духовных чад, старец советует им не малодушествовать в искушениях: «В чем по немощи увлечешься... не смущайся, а старайся поправить это самоукорением и исповеданием сперва сердцеведцу Богу, а по времени и духовному отцу»¹³⁷. Искреннюю, чистосердечную исповедь старец Амвросий считал неотъемлемой частью покаяния. По его мнению, тяжелые душевные и телесные недуги большей частью являются следствием тяжких, а также несповеданных согрешений. И когда отцу Амвросию рассказывали о таких больных, он давал советы, чтобы они «искренно исповедали свои грехи духовному отцу и не стыдились ничего утаивать...»¹³⁸.

В большинстве случаев таинство Покаяния предшествует принятию Святых Таин. И если человек отнесся к исповеди без надлежащего внимания, то он приступает к святому Причащению недостаточно подготовленным. Об этом старец Амвросий пишет: «Есть и такие христиане, которые не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковые, по слову апостольскому, недостойно причащаются Святых Таин; а за недостойное причащение подвергаются различным немощам и болезням, а немало и умирают»¹³⁹. Утаенный грех влечет за собой смерть души и страдание тела, «так как наказание бывает человеку не только за грехи, но больше за недостойное причащение Святых Таин»¹⁴⁰.

Вся жизнь христианина должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека¹⁴¹. «Покаяние не совершается (не оканчивается) до гроба, — пишет старец, — и имеет три свойства или части: очищение помыслов, терпение находящих скорбей и молитву, то есть призвание Божией помощью против злых прилогов вражних. Три эти вещи одна без другой не совершаются. Если одна часть где прерывается, то и другие две там не тверды бывают»¹⁴². Даже праведники, по слову преподобного Амвросия, «восходят ко Господу покаянием. Праведник ежедневно может пасть седмизды, если не делом, то словом или помышлением, или зрением, или слухом и подобными; только, по словам св. Епифансия, грехи праведных — грехи уст; а грехи грешных — грехи всего тела. Св. Давид, согрешивши, каялся, исповедовался Богу и благодарил Господа за то, что его, согрешившего, не предал смерти... Мы, малoverные и малодушные... не подражаем св. Давиду, а будучи наказуемы за грехи наши, ропщем на Бога и людей, обвиняя всех и все, вместо того, чтобы смириться и приносить искреннее раскаяние в своей греховной жизни и постараться исправиться или... хоть не роптать, не обвинять других, что терпим болезнь или бедствие достойно и праведно»¹⁴³.

Сожалея о тех, которые упорно не хотят каяться, старец говорит: «В ад только пойдут те, которые от гордости не захотят принести покаяние»¹⁴⁴. Душу христианина, проводящего жизнь греховную, иеросхимонах Амвросий уподобляет вертепу мысленных разбойников. Душа же, очистившаяся покаянием, уподобляется им небесному вместилищу, где обитает Христос. «Христианские души, пока добровольно предаются страхам — славолочию, серебролюбию, гневу, зависти, ненависти, памятозлобию, мщению и подобному сему, бывают вертепами небесных разбойников — бесов. А когда принесут смиренное и искреннее покаяние и будут проводить жизнь благочестивую, согласно заповедям Божиим, понуждая себя к смирению, кротости и любви, тогда бывает как бы другое небо; потому что вселяется в них благодать Божия и Сам Бог благодатию Своєю...»

Как бы грешен ни был человек, он не должен отчаиваться в своем спасении. Но, по внушению диавола, грешник нередко впадает в отчаяние при воспоминании о соделанных им грехах, и ему, по человеческому суждению, невозможным кажется обращение. Для предотвращения от подобных мыслей старец пишет: «Правоверующему христианину ни в коем случае отчаиваться не должно, хотя бы кто и тяжело согрешил. Всеблагий Господь, по неизреченному милосердию Своему, даровал нам покаяние, которым и получаем прощение своим согрешениям, если искренно с верою и упованием каемся»¹⁴⁵. «Многие святые утверждают, — говорит он в другом письме, — что и Иуда получил бы прощение, если бы решился принести покаяние подобно первому апостолу Петру, трижды отрешившись Христа, но чрез покаяние получившему не только прощение своего греха, но и прежнее апостольское достоинство»¹⁴⁶. Грешникам, склонным к отчаянию, старец указывает на пример Манассия, говоря: «Манассия почитался величайшим из всех грешников, но и он, чрез покаяние, получил не только прощение своих тяжких согрешений и беззаконий, но и покаянная его молитва внесена в число церковных молитв и находится в конце псалтири в двенадцати избранных псалмах»¹⁴⁷.

Указывая на великое значение покаяния в жизни христианина, преподобный Амвросий говорит, что покаяние должно быть соединено со смирением. «Чтобы покаяние было действительным, оно должно быть смиренным. «Главная сила покаяния состоит в смирении»¹⁴⁸, — пи-

шет старец. Смирненное покаяние предотвращает грев Божий, по сказанному: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит» (Пс. 50, 19). Смирненное покаяние изглаживает все грехи, привлекает милость Божию к кающемуся грешнику. Какими бы добродетелями ни обладал христианин, он ничто в очах Божиих, если в нем нет смирения.

3. О смирении

Христианское смирение — это проявление силы человеческого духа, покоряющей даже злобные и гневливые сердца, ломающей человеческую гордыню. Кто имеет в себе истинное смирение, какое имели, например, преподобные Сергий Радонежский и Серафим Саровский, тот проявляет не слабость духа, а его величие, крепость и свое нравственное превосходство. «Смирение прочнее всяких возвышений»¹⁴⁹, — поучает старец Амвросий. В деле нравственного совершенствования, по его словам, главное внимание необходимо сосредоточивать на приобретении смирения, которым обеспечиваются полное духовное удовлетворение и покой души при любых жизненных обстоятельствах. «При смирении всякая вещь бывает на своем месте; ни к кому нет ревности и зависти, ни к здоровым, ни к предпочтенным, ни к облаканным: всем свое, а нам наше при смирении будет и полезно и богоугодно...»¹⁵⁰ «Смирение все преодолевает и все может изгладить и уравнивать, как свидетельствуют об этом единогласно духоносные отцы»¹⁵¹

Смирение должно лежать в основе всех действий и поступков христианина. «Чем себя умерять в своих действиях? — пишет старец в одном из писем. — Смирением, самоукорением и страхом Божиим, памятуя всегда слово псаломское, чтобы уклоняться прежде от зла, а потом уже стараться творить благо»¹⁵².

В другом письме, объясняя евангельские слова Господа: «Возьмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим», пишет: «Слова эти показывают, во-первых, что несение ига Христова прежде всего заключается в кротости и смирении. Во-вторых, наставление и назидание для собственной жизни должно брать с примера Христа Спасителя»¹⁵³. Если же христианин пребывает постоянно в молитве, но не имеет в своей душе смирения, то и тогда он не будет свободен от вражних нападений. Своим духовным детям, которые часто подвергались таким нападениям, старец Амвросий писал: «...Вы молитесь любите, а смирения потребного для сего, должно быть, не стяжали. И выходит, что молитвой вы врага только раздражили; а не имея нужного смирения, не имеете против него потребного оружия»¹⁵⁴.

Немощным телом, но совершившим много грехов преподобный Амвросий советует «прибегать к самоукорению и смирению и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других»¹⁵⁵. «Кто немощен телом, — говорит он, — такому более других потребно смирение. Святой Лествичник, основываясь на псаломском слове, пишет: не постихся, не бдех, не на земли лежах, но смирихся, и спасе мя Господь. И нас силен спасти Господь, если будем понуждаться на должное исправление со смирением»¹⁵⁶.

В своих письмах старец Амвросий, ссылаясь на святых отцов, многократно повторяет, что смирение является основанием всякой добродетели и что без него не может быть достигнута никакая добродетель. «По свидетельству Священного Писания, — говорит старец, — нет выше дарования, как дарование смирения, как и Сам Господь говорит: смиряяй себя вознесется...»¹⁵⁷. «...Добродетели (не могут быть) без смирения..., потому что смирение подает крепость ко всякой добродетели»¹⁵⁸.

Само богоугождение также достигается только смирением. «Если хочешь угодить Господу, — поучает старец в одном из писем, — то знай, что нельзя Ему угодить безрассудством, и упорством, и ропотом на всех, даже на Самого Господа, а должно угождать Ему смирением, и смиренным покаянием, и покорностью, и рассуждением, — или же, если кто сам не может рассудить здраво, то послушанием к тому, к кому относишься»¹⁵⁹, а «корень всему злу — самость и упрямство... нужно всячески постараться вырвать этот злой корень смирением и послушанием, подражая Самому Господу, Который смирился до рабья зрака и послушлив был до смерти крестной и распятия»¹⁶⁰.

Восхваляя смирение и считая его основанием всякой добродетели, преподобный Амвросий в своих письмах раскрывает пагубную сущность порока, противоположного смирению, — гордости. Он считает, что «гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства. Последние привели пророка (Давида) к смирению и раскаянию, первые довели его до падения»¹⁶¹. Насколько губельна гордость и, наоборот, спасительно смирение, видно из следующих слов старца Амвросия: «...Денница с своим чином по причине гордости не обрел покоя..., стоя выше всех, выше всех чинов Ангельских, и за то превозношение низвергся в бездну погибели со всеми послушавшими его. Девять же чинов других Ангелов, избыв во смирении и покорности воле Божией..., доселе блаженствуют»¹⁶². «Горделивость и на небе жившим не помогла, — пишет он в другом письме, — а лишила благодати Божией и низвергла долу. — Почему нам, хотящим взыти горé, потребно смириться зело»¹⁶³.

Но что же необходимо сделать, чтобы приобрести смирение? В своих письмах старец Амвросий убеждает всех, что смирение есть благодатный дар Божий¹⁶⁴ и потому он должен испрашиваться молитвой, что смирение рождается познанием своих недостатков и самоукорением. «Сердечно желаю тебе, — пишет старец в письме к одной монахине, — духовного восхождения приличными и законными степенями, от них же первая и самая главная есть познание глубоким нашей немощи душевной и телесной. Вторая законная степень есть самоукорение, то есть во всяком неприятном и прискорбном случае обвинение себя, а не других. Третья степень — благодарное терпение встречающихся и постигающих нас скорбных искушений. От сих трех степеней изрождается четвертая — начало смирения...

Смирение, как и всякая добродетель, достигается при содействии Божиим, но при этом, по словам преподобного Амвросия, «нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у святых отцов: «дай кровь и прими дух». Это значит: потрудись до пролития крови, и получишь духовное дарование... При спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы»¹⁶⁵.

Когда человек сам не доходит до сознания необходимости смирения и не смиряет себя, тогда Господь Сам, «ими же вестъ судьбами», приводит его к смирению. «Если сами не смиримся, то Господь неволью нас смиряет»¹⁶⁶. Так смирение рождает другую добродетель — терпение в скорбях.

4. О терпении в скорбях

В Священном Писании имеются ясные указания о необходимости скорбей для ищущих спасения. Сам Господь сказал: «В мире скорби будете» (Ин. 16, 33). Эти скорби составляют крест, который каждый человек должен понести в своей жизни. Скорби пробуждают в нашем сердце веру в Бога, подвигают нас на молитву, очищают сердце от грехов, укрепляют нас в добродетелях. «Всякий христианин чем-либо да испытывается, — говорит в одном из писем оптинский старец Амвросий, — один бедностью, другой — болезнью, третий — разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры, и надежды, и любви Божией, то есть к чему человек более склоняется, к чему более прилепляется, горé ли стремится, или еще пригвожден к земному; чтобы человек-христианин чрез подобные испытания сам видел, в каком он находится положении и расположении, и неволью смирялся»¹⁶⁷.

В скорбях старец видит особое промыслительное действие Божие, попускаемое для спасения человека. «Скорби, — говорит он, — это дар Божий, и все, что делается промыслительно от Господа, то делается к пользе нашей душевной»¹⁶⁸. В одном из писем неросхимонах Амвросий пишет: «Ошибка и заблуждение человечества происходят от того, что мы не понимаем как следует намерение Божие и волю Божию о нас. Господь, по благодати Своей и милосердию Своему, хочет даровать нам вечное блаженство на небе, в Царствии Небесном, а мы, по слепоте своей, более желаем, ищем счастья и благополучия временного на земле. Вот Господь, по благодати Своей и по любви к роду человеческому, и вразумляет нас разными скорбями и болезнями и другими бедствиями, как свидетельствует Апостол: «Его же бо любит Господь, наказует; биет же всякого сына, его же приемлет. Аще же без наказания есте: убо прелюбодейчиши есте, а не сынове» (Евр. 12, 6)»¹⁶⁹.

Для возбуждения в ищущих спасения добродетели терпения старец указывает: «Бог устроит все только полезное и душеполезное и спасительное. Только с нашей стороны требуется не малодушествовать, а с покорностью воле Божией потерпеть посылаемые скорби и болезни, смиряясь перед Богом и людьми и не дерзая никого обвинять или осуждать, чтобы и на нас сбылось Евангельское слово Господне: «Не судите, и не судят вам»¹⁷⁰.

Старец Амвросий убеждает, что «большая часть страдающих из нас подвергается страданиям как следствиям или неправильных мыслей, или ошибочных действий»¹⁷¹. Поэтом, «как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца»¹⁷². На недоуменный вопрос многих: «Почему же тогда страдают люди благочестивые и праведники?» оптинский старец отвечал: «Всеблагий Господь праведным посылает различные скорби, во-первых, для того, чтобы не ослабевали в подвигах благочестия и, разленившись, не уклонились в противную сторону и не погибли, как сказано у пророка Иезекииля: «егда реку праведному: жизньию жив будещи, сей же, уповая на правду свою, и сотвори беззаконие, вся правды его не вспомнятся, в неправде своей, юже сотвори, в той умрет» (гл. 33, ст. 13). Во-вторых, праведным Господь посылает различные скорби для того, чтобы чрез это они совершенно очистились от грехов и страстей и получили велие воздаяние в будущем веке, по сказанному: «яко злато в горнице искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я».

На грешных же наводит Господь различные напасти и болезни, чтобы привлечь их к покаянию, как Сам говорит в святом Евангелии: «приидох призвати не праведныя, но грешныя на покаяние»; и паки: «покайтесь, приблизится Царство Небесное»¹⁷³. «Свобода

существ разумных всегда испытывалась и доселе испытывается, пока утвердится в добре, — говорит старец, — потому что без испытания добро твердо не бывает»¹⁷⁴.

По словам старца Амвросия, степень нравственного совершенства человека определяется по тому, как он переносит посылаемые ему свыше испытания, а для пояснения он приводит пословицу: «толкач мукú покажет». «Должно быть, когда толкут человека-христианина, то и покажется, какая в нем мука: первой руки, или второй, или третьей. И св. Иаков, брат Божий, пишет, что человек неускушен неускусен»¹⁷⁵.

Скорби человека выражаются в самых различных формах. Это — стесненные жизненные условия, или телесные недуги, или клевета, или досаждения окружающих людей, иногда даже самых близких. «Теперь нет Диоклетианов и Максимианов, — пишет старец Амвросий, — но враг находит удобство досаждать держащимся благочестия через слабых и нерадивых»¹⁷⁶. «Хотящии благочестиво жити гоними будут, — приводит он слова Апостола и спрашивает: От кого же? — разумеется, прежде всего от своих, которых враг вооружает, чтобы отвратить от пути благочестия благоизволивших онем иди»¹⁷⁷. И, как бы в пояснение, старец приводит пример: «Канн родились прежде Авеля, и Исав прежде Иакова, но победа осталась на стороне последних; хотя Исав и гнал Иакова, а Канн убил Авеля, но гонимые блаженствуют, а гонители отвержены Богом. Будем верить и надеяться, что и нас Господь не оставит, только нужно со смиренном потерпеть и не роптать»¹⁷⁸.

Терпеливое перенесение болезней, по словам старца Амвросия, имеет благие последствия для человека. «Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные через обиды и поношения потребны для очищения души»¹⁷⁹. В болезненном состоянии человек чаще помышляет о дне смертном. «Чрез болезнь телесную, — говорит старец Амвросий, — человек волею или неволею принужден бывает помышлять о будущей жизни и о том, как предстать на суд Божий»¹⁸⁰. Находящимся в болезнях старец советовал не скорбеть, но пребывать в благодушии и терпении: «Болезнь причиняет страдание, а страдание требует терпения, без которого не приобретается спасение наше, по сказанному в Евангелии от Самого Господа: «в терпении вашем стяжете души ваша» и: «претерпевый до конца, той спасен будет»¹⁸¹. За свою греховную жизнь мы достойны большого наказания, но милосердный Господь подвергает нас только некоторому испытанию, ожидая от нас обращения и покаяния. «Если христианин согрешил, — поясняет старец Амвросий, — то, по праведному суду Божию, для избежания вечного наказания, должен при покаянии понести какое-нибудь наказание временное, но малое в сравнении с грехом, или болезнь, или беду какую, или бесчестие. Остальное же восполняет милость Божия. Благоразумный разбойник разбойничал 30 лет, а понес наказание, только три часа повисевши на кресте с перебитыми голенями»¹⁸².

Старец Амвросий никогда не унывал в скорбях и болезнях, но с любовью принимал все как необходимое средство для спасения. То же самое он советовал делать и другим, ибо скорби очень ценны пред Богом и заменяют собой многие годы безмятежной жизни. «Благочестиво живущему человеку, ежели он не имеет скорбей, считается год за день, — пишет старец, — а если благочестивый человек переносит большие скорби, тогда вменяется ему день за год»¹⁸³.

На основании своего опыта преподобный Амвросий свидетельствует о пользе воспоминания в скорбях молитвы Господа во время Его крестных страданий: «Полезно поминать и незлобие Самого Господа, как Он молился о распинателях Своих: «Отче! остави им грех их, не ведают бо что творят». Если и мы будем так поступать, то получим и в скорбях отраду душевную»¹⁸⁴.

Старец советует во время скорби обратиться за помощью к Единому Богу Сердцеведу, могущему все изменять и устроить, «якоже Сам весть, паче чаяний и ожиданий человеческих». В подтверждение своих слов он приводит следующую выдержку из письма святителя Иоанна Златоуста к Олимпиаде: «Бог только тогда начинает являть Свою силу, когда оскудеют все человеческие соображения и готово явиться безнадеежие, да не будем, по слову апостола, надеющиеся на ся, но на Бога жива, восстанавливающего мертвых»¹⁸⁵. Молитва, по мысли старца, есть важнейший источник утешения страждущего христианина. «Бог даст буря утихнет, — пишет он одному из иноков, — только молись с верой и усердием Господу и Царице Небесной, чтобы помогли в несении скорбей»¹⁸⁶.

5. О молитве

Молитва имеет великую силу: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает и укрепляет в скорбях. Как и все святые отцы, преподобный Амвросий считает, что важными условиями чистой молитвы служат внимание к помыслам, страх Божий, смирение и безгневие. «Молитва, — пишет старец, — без очищения помыслов и без перенесения скорбей совершаться не может»¹⁸⁷.

Однако всякому приступающему к молитве старец Амвросий советует приготовить себя к борьбе с невидимым врагом, потому что никакая другая добродетель так не тревожит врага,

как молитва. «...Где люди заботятся преимущественно о молитвенном подвиге, — пишет он, — тут-то враг и старается возводить с обеих сторон гневливость, которая делает человека неспособным не только к молитве, но и ко всякому доброму делу»¹⁸⁸.

Среди всех молитв старец Амвросий ставит на первое место молитву Иисусову. «Когда кто-либо совершает келейное правило, — говорит он, — и среди оного почувствует особенное настроение духа к молитве Иисусовой или к поучению в каком-либо изречении Писания, тогда можно оставить на время келейное правило и заняться тем или другим из сказанного. Так научают нас опытные отцы»¹⁸⁹. Старец советует пребывать в молитве Иисусовой постоянно, не ограничиваясь ни местом, ни временем: «К молитве Иисусовой старайся прибегать часто, во всякое время, также и в церкви, особенно если не слышно чтения, — за хождением и каждением»¹⁹⁰. «Молитва Иисусова, — пишет он, — прилична, когда человек идет, или сидит, или лежит, пьет, ест, беседует или занимается каким рукоделием; кто может при всем этом произносить молитву Иисусову со смирением, тот не должен оставлять оной; за оставление же укорять себя и каяться со смирением, но не смущаться, потому что смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискусство человека в прохождении своего дела»¹⁹¹.

Проходящим молитвенный подвиг старец Амвросий советует внимательно следить за движением своего сердца и не допускать возникновения в нем каких бы то ни было помыслов. «Во время молитвы, — пишет он, — должно стараться отвергать всякие помыслы и, не обращая на них внимания, продолжать молитву; если же стужение помыслов очень усилится, то опять должно просить против них Божией помощью»¹⁹².

Преподобный Амвросий во многих письмах дает советы, как правильно проходить ступени молитвенного подвига. Особое внимание он обращает на тщательное прохождение первых двух ступеней молитвы — устной и умной: «Кто сначала проходит правильную устную молитву, заключая ум в слова молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и грешную», а потом будет проходить правильно и умную молитву... (у тех) по времени и без наставника ... умная молитва сама переходит в сердечную. Впрочем, у кого не переходит, должны довольствоваться устною и умною... Устную молитву как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие неправильно, нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом умной, со смирением, а затем уже, кому удобно и кому благоволит Господь, переходить к сердечной, по указаниям святых отцов, опытом прошедших все это»¹⁹³.

В письмах старец Амвросий предупреждает вступающих на путь внимательной молитвы о различных кознях врага рода человеческого — дьявола, который всячески стремится помешать христианину в приобретении такой молитвы. «Враг наш душевный, — пишет он, — не восстает так ни против какой добродетели, как против молитвы, в особенности умной и сердечной; всеми способами подвизает человека на гнев и на немирствие против других, которые по своему неразумию, а вместе по наущению вражью, мешают нам проходить внимательную жизнь»¹⁹⁴. Для ограждения от всевозможных помыслов и искушений старец советует стяжать смирение. «Ежели всякая добродетель без смирения не может состояться, — говорит он, — то кольми паче молитва прежде всего требует смирения, так как молящиеся имеют дело с гордыми бесами, которые, будучи сами бедны и ничего не имея, обещают другим богатство, показывая чужие ассигнации... Также знай, что молитва требует безгневия»¹⁹⁵. Вместе с тем старец Амвросий внушал всем занимающимся молитвой Иисусовой не доверяться снам и всякого рода видениям: «Во время (молитвы) никакого постороннего помысла не принимать и не верить тому, что видится или слышится, то есть изменению иконы или какому-либо голосу. А если снам или чему-либо подобному верить, то можно ума лишиться»¹⁹⁶.

По словам старца Амвросия, молитвенный подвиг надо проходить разумно; не следует налагать на себя слишком много правил, приводящих иногда к превозношению. «Лучше не великое правило иметь, — советует старец, — да постоянно выолнять оное, нежели много с перерывами совершенного оставления»¹⁹⁷. По его мнению, «Господь примет и малое правильное, со смирением исполняемое. Не в том зажность, какие правила исполняем, а как их исполняем»¹⁹⁸. Плодом истинной молитвы, по мысли старца Амвросия, являются смирение, любовь к Богу и ближним.

6. О страхе Божием

Христианин в основу своей жизни, по словам преподобного Амвросия, должен положить страх Божий, который есть начало спасения. «Советую вам, — пишет старец, — держаться страха Божия и хранения своей совести, так как это более всего содействует христианину удержаться на настоящем пути»¹⁹⁹. «Держись страха Божия, хранения совести и соблюдения заповедей Божиих». Разъясняя слова Апостола: «Со страхом жития вашего время жительствуйте» (1 Петр. 1, 17), преподобный Амвросий пишет: «Слова сии показывают,

что главное средство к тому, чтобы жить благочестиво и свято, состоит в страхе Божием и страхе будущего суда и вечных мук. Только при содействии этого страха, с помощью Божиею и бывает соблюдение заповедей..., а без страха, если бы кто и на небеси жительствовавал, по слову преподобного Петра Дамаскина, не воспользуется (небесными благами), имея гордыню, ею же сатана, и Адам, и мнози падоша. Ежели и святым всем в слове Божием предписывается иметь страх Божий, по сказанному: «Бойтесь Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его» (Пс. 33, 10), колми паче нам грешным и неисправным необходимо иметь страх Божий, и страх смерти, и страшного суда Божия, и вечных мук во аде, растворяя страх сей надеждою наследовать Царствие Небесное... Страх Божий и памятование четырех последних удерживают от грехопадений, по сказанному: «Помни последняя твоя и во веки не согрешиши» (Сир. 7, 39)²⁰⁰. Если христианин стремится приобрести в душе страх Божий, то он подобен домостроителю «благоразумному, который построил дом свой на камне» (Мф. 7, 24). По словам старца Амвросия, такому человеку дается разум духовный. При отсутствии же страха Божия «...человек помрачается и начинает устами празднословить, судить, ...злословить и уничижать ближних, и сердцем поучаться в помыслах нечистых»²⁰¹.

Страх Божий, по словам старца Амвросия, может удержать душу от многих греховных ползновений и направить ее по пути нравственного совершенствования. «Крепко (нужно) держаться страха Божия и хранения своей совести, — пишет иеросхимонах Амвросий, — так как это более всего содействует христианину удерживаться на настоящем пути»²⁰². Кто стяжал страх Божий и постоянно поддерживает его в себе, тот стоит на пути ко спасению, но ему необходим еще великий труд очищения себя от страстей.

7. О страстях и борьбе с ними

Спасение человека есть длительный процесс очищения души от страстей и стяжание евангельских добродетелей. Преподобный Амвросий считает, что причиной совершения грехов являются скрытые в человеке страсти, с которыми нужно вести борьбу.

Так, предостерегая своих духовных чад от тщеславия и гордости, старец указывает признаки той и другой страсти. «Тщеславие и гордость, — пишет он, — хотя одной завески и одного свойства, но действие и признаки их различны. Тщеславие старается уловить похвалу людей и для этого часто унижается и человекоугодничает, а гордость дышит презрительным и неуважением к другим, хотя похвалы тоже любит... Если же побеждаемый тщеславием не имеет благовидной наружности и других хороших качеств, тогда, для уловления похвал, человекоугодничает и, как утка, кричит: «так! так!», когда на самом деле и в справедливости не всегда так, да и сам он внутренне бывает расположен иначе, а по малодушию придакивает. Гусь, когда бывает что-либо не по нем, поднимает крылья и кричит: «гага! каго!» Так и горделивый, если имеет в кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит, возражает, настаивает на своем мнении. Если же недугующий гордостью в обстановке своей не имеет никакого веса и значения, то от внутреннего гнева шипит на других, как гусыня, сидящая на яйцах, и кого может кусать, кусает»²⁰³.

Ничто так не препятствует успеху в духовной жизни, как тщеславие и гордость. Причиной возмущения, несогласия или раздора, если рассмотреть внимательно, бывает по большей части славолубие и горделивость.

Преподобный Амвросий, как и все святые отцы, видит в гордости корень всякого зла, особо подчеркивая пагубное ее действие на монашествующих. Гордый и самонадеянный человек как бы носит в себе все пороки. «Горделивые и самолюбивые... не хотят подклонить выи своей под легкое иго Христово, но добровольно впрягаются в тяжелое иго возношения и гневливости и чрез то сами томятся и смущаются, и нередко других смущают и отягощают»²⁰⁴.

Ограждая своих духовных чад от гордости, старец Амвросий советует им всячески хранить свое сердце в смиренности и самоукорении: «Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу, почему нам, хотящим взыти горе, потребно смириться зело»²⁰⁵. Страсть гордости старец считает хуже прелюбодейства и убийства, посягая эту мысль примером псаломщика Давида: «Последние (прелюбодейство и убийство) привели пророка к смирению и покаянию. Первые довели его до падения, как объясняет он в одном псалме, говоря: «рех, не подвигуся во век». По падении же своем совсем иное говорил: «червь емь, а не человек, поношение человек и уничтожение людей»²⁰⁶.

Для истребления гордости человек должен, по словам старца Амвросия, покориться воле Божией и воспитать в себе смирение. «Когда найдут на тебя помыслы гордые и самонадеянные, — пишет старец одной особе, — вспоминай, что ты подобна разломанному зданию без окон и без дверей, и сама себе говори: разграбленной, разоренной, чем гордиться?»²⁰⁷.

Не менее зловредной страстью, по мысли преподобного Амвросия, является самолюбие. «Самолюбие наше. — пишет он, — корень всему злу. Оно начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок»²⁰⁸. В другом письме старец пишет об этой страсти, что «она, как темная

завеса, застывает от нас свет истины и не попускает насладиться нам истинным познанием. Сказано: «Царствие Божие внутри вас». Мы же, оставляя искание его внутри себя, вращаемся вовне, занимаясь разбором чужих дел и недостатков»²⁰⁹. Вместо того, чтобы внутри себя создавать Царствие Божие, самолюбивый человек выходит из внутренней клети и устремляется в мир страстей, ибо от самолюбия — гневливость, от самолюбия — осуждение и порицание других, от него негодование и ропот, и самооправдание, и нехотение ничего потерпеть, а вследствие всего этого малодушие и оставление молитвенного правила и чтения духовного и прочего»²¹⁰.

Под видом служения обществу отдельные лица, как замечает старец Амвросий, удовлетворяют лишь своему собственному самолюбию. «Забываем Евангельское указание, — пишет он, — а действуем по одному почти самолюбию, упорно отстаивая свои действия, не заботясь об их законности и незаконности. Всюду примесь своей воли, или самооправдания, или чего другого, или просто бестолковщины. Молиться потребно в самоукорении, да не заблудим от пути истинного»²¹¹. Человек, одержимый страстью самолюбия, не видит в своей душе собственных недостатков, а по отношению к другим бывает жесток и дерзок, замечая в них самые малейшие погрешности. Сожалея о таких, старец Амвросий пишет: «От себялюбия и самолюбия (бывает) вся беда... От них плодятся противные помыслы, словно саранча поедающая не только плоды духовные, но и листья и самую кору»²¹². В качестве действенных средств для избавления человека от страсти самолюбия старец рекомендует самоукорение и молитву.

О страсти блуда преподобный Амвросий пишет очень мало; он указывает лишь на средства для преодоления блудных помыслов. «Противу блудных помыслов, — говорит он, — вооружайся воздержанием в пище и сне; старайся всегда находиться в труде и при деле, а паче всего имей во всем и всегда смирение и самоукорение, не осуждай никого. Смирение в том и состоит, чтобы не осуждать и не укорять»²¹³. «Огонь истинной Божественной любви отгоняет всякие нечистые помыслы, а когда подобные помыслы сильно стужат человека, то это явный признак, что он не достиг еще меры любви Божией»²¹⁴.

Напоминая христианам о пагубности уныния, старец Амвросий советует преодолевать и искоренять его в самом начале. Свои мысли относительно уныния он основывает на учении преподобного Марка Подвижника, который «выставляет три особые силы вражьи», ратующие «подобно трем великим исполинам, ...как живущих в монастырях, так равно и всех хотящих приблизиться к Богу. Эти три исполина суть: уныние, забвение и неведение, а по другим отцам: невежество и неразумие, которые предыдут всем другим страстям и пролагают удобный путь темному полчищу оных...»²¹⁵. Чтобы оградить человека от нападения трех названных исполинов, преподобный Марк предлагает три средства: «1-е — ведение, получаемое от чтения Божественных и духовных книг, от слышания слова Божия и от вопрошения опытных, 2-е — благое памятование: памятование Бога и Его вседеприсутствия, по сказанному в слове Божиим: «очи Господни и тьмами тем крат светлейшая солнца суть, прозирающая вся пути человеческия и рассматривающая в тайных местах» (Сир. 23, 27); памятование Божественных Его заповедей... 3-е -- прилежное исполнение всех обязанностей относительно того, чтобы удерживать тело свое от излишнего сна, чрево от излишней пищи и питья, язык от празднословия и осуждения, ум от помыслов и попечений суетных, а сердце от похотей лукавых, чему содействует прежде всего трезвенное внимание и смиренное исполнение молитвенного правила как церковного, так и келейного, и особенно частое, с благоговением произношение молитвы Иисусовой, которую неопытным и начинающим должно первоначально иметь устную»²¹⁶.

Старец Амвросий, убеждая обращающихся к нему за духовным руководством не впадать в уныние, писал: «Мужайся и да крепится сердце твое с помощью Божию противу уныния и безотчетной печали, которыми враг рода человеческого тайно борет хотящих приблизиться ко Господу. Помни и старайся не забывать слово Его: «претерпевый до конца, той спасен будет»²¹⁷.

Скупность, по учению преподобного Амвросия, следует рассматривать как проявление неверия и самолюбия²¹⁸. Предостерегая своих духовных чад от чрезмерного пристрастия к деньгам, а с другой стороны, и от слишком легкомысленного отношения к ним, старец насвывает в одном из писем: «Безрассудно быть пристрастну к деньгам и нерассудно пренебрегать ими; то и другое худо и ведет не только к смущению, но даже и ко вреду душевному чрез разные путаницы от неправильного пренебрежения. Деньги сами по себе, или вернее, по цели, назначенной от Бога, вещь весьма полезная. Они заменяют недостаток простоты и любви между людьми. Без денег кто бы расчел людей? Были бы вечные споры и ссоры и даже драки до убийства; малыми монетами и даже ничтожными бумажками люди от всего этого избавляются, сами не понимая этого. Вред не от денег, а от безрассудной жадности или скупости, или от злоупотребления, пожалуй, скажем, и от неправильного пренебрежения»²¹⁹. Осуждение также является одной из пагубных страстей. Для искоренения осуждения старец Амвросий рекомендует избегать многословия и держаться совета св. Исаака Сирина — «стараться не видеть злобы человека»²²⁰. По словам старца, пагубное осуждение и порицание ближних наших происходят «от слепого самомнения и нерассудного возношения... Внимай себе, и своей душе, и своему

спасению, и туг найдешь столько дела, что не будет возможности заниматься чужими делами»²²¹.

Каждая страсть, по мысли преподобного Амвросия, начинается с греховных помыслов. Зная это, старец предостерегает своих духовных чад от увлечения ими. Особенно много говорит он о хульных помыслах, которые борют человека за возношение и осуждение ближних, и дает следующие наставления: «Смирись, не думай о себе, что ты лучше других, не заирай никого, а себя за согрешения и поползновения укоряй, то и хульные помыслы утихнут. Впрочем, во всяком случае не смущайся; невольные хульные помыслы свв. отцы не считают грехом, а их причины — грех»²²².

Очень много вреда приносит душе зависть. Человек, одержимый этой страстью, не способен к богоугодной жизни; в его сердце отсутствует любовь к Богу и ближним. Такой человек не может приносить плоды добра, потому что его сердце всецело склонно к злым делам. По словам преподобного Амвросия, именно зависть «побудила Каина убить незлобивого Авеля, а иудеев побудила распять Христа Спасителя... Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутною печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем»²²³. Чтобы искоренить из своего сердца зависть, старец советует истреблять ее «в самом начале смиренной молитвой и смиренной исповедью и благоразумным молчанием»²²⁴. Он подчеркивает, что зависть рождается от гордости и отсутствия любви, и указывает способы ее врачевания: «Во-первых, смиренное и искреннее сознание своей немощи пред Богом и духовным отцом; во-вторых, Евангельское понуждение не действовать по влечению сих страстей, а делать противное им; третье врачевство — искать во всем только славы Божией и от Бога; четвертое врачевство — смиренное испрашивание помощи Божией псаломскими словами: «Господи! от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу Твою или раба Твоего». Испрашивать же помощи Божией, не сомневаясь, а веруя, что невозможное у людей — возможно от Бога. Пятое врачевство — самоукорение, то есть во всяком неприятном и скорбном случае или обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других»²²⁵.

Совершенное избавление от страстей, по мнению преподобного Амвросия, есть великий дар Божий. Очистившись от них, душа сподобляется единения с Богом. «За очищением души от страстей, — говорит старец, — милостию Божиею, последует воскресение ее и соединение с Господом, если только душа, оставив всех и все, прилепится всем сердцем и всею любовию к Единому Господу»²²⁶.

8. О монашестве

Особое место в своих письмах оптинский старец уделяет монашеству, которое он ставит очень высоко. «Есть спасение и кроме монастыря, — говорит он, — но с трудом велиим. Хотя и в монастыре спасение не без труда, но зато и кроме спасения в монастыре может человек достигать и совершенства духовного»²²⁷. «О монашестве должно разуметь, что оно есть таинство, покрывающее прежние грехи, подобно крещению. Крещаемый прежде крещения не может чувствовать того, что после получает, то есть силу внутреннюю исполнять заповеди Божии»²²⁸. А в письме к одной монахине-схимнице старец прямо пишет: «...Схима есть второе крещение, очищающее и прощающее грехи»²²⁹.

Принявшим монашеский постриг иеросхимонах Амвросий советует не смущаться и не раскиснаться в этом: «Смущаться же ни в коем случае не должно... Это великий дар Божий, а даром и невеликим пренебрегать не должно; а лучше благодарить и стараться быть достойным того, что нам даровано по великой милости Божией»²³⁰.

Особое внимание в своих письмах иеросхимонах Амвросий уделяет внутренней жизни монаха. Он призывает иноков бороться со страстями и приобретать добродетели, которые крайне необходимы для достижения Царствия Небесного, советует отсекал свою волю и навывать послушанию²³¹.

Для монаха, по мнению старца Амвросия, телесные подвиги поста и бдения есть только средства для приобретения других добродетелей. Основное — это воздержание от различных страстей. «Телесные добродетели (пост и бдения) — только орудия добродетелей: добродетель же в собственном смысле только душевная. Воздержание нужно иметь не только от различных снедей и питья, но и от страстей вообще: от гнева и раздражительности, от зазрения и осуждения, от тайного и явного возношения, от упрямства и неуместной настойчивости на своем и подобное»²³².

Преподобный Амвросий советует избегать крайностей в посте: не слишком послаблять себе, но и не налагать на себя излишнего воздержания: «Пост похвален и нужен в свое время и в своем месте; лучше держись умеренного употребления пищи и питья, избегая сытости, которой признак — малое отягощение, и, с другой стороны, излишнего и неуместного воздержания. Обе крайности нехороши и вредны. Умеренность же и среднее из них делает человека

более способным к духовному деланию»²³³. Старец предупреждает также, что чрезмерная ревность к несению различных подвигов, предпринимаемых по собственному почину, есть не что иное, как вражья козни, цель которых — уловить самочинного подвижника в сети прелести²³⁴. «Господь взирает на благое намерение и требует посильного и возможного действия, а не сверх силы и возможности»²³⁵.

Тех, кто не может соблюдать строгого поста, неросхимонах Амвросий увещевает понудить себя хотя бы на умеренность в пище, сне и во всем²³⁶.

Путь монашеской жизни и требования, предъявляемые к истинному монаху, без выполнения которых тщетны будут все его усилия достигнуть спасения, изложены старцем Амвросием в письме, в котором он объясняет назначение монашеских чётот: «Дают чётки сии с тем, чтобы прилежший их человек сознавал свои недостатки и немощи и видел бы свои грехи, но никак не позволял себе замечать немощи и недостатки других, колыми паче старших, и всячески остерегался бы судить или унижать кого-либо, но дело и поступки других предоставлял бы Промыслу и суду Божию и собственной воле каждого... Если... не хотим жить по своей воле и разуму, то и не должны уклоняться от стези и учения святых отцов, которые велят нам смиряться, покоряться, отсекают свою волю, не оправдываться человеческими извинениями, от скорби и бесчестия и унижения не отрекаться, но понуждаться на все сие, хотя бы и противилось тому лукавое и непокорное наше сердце»²³⁷.

Преподобный Амвросий подчеркивает, что сущность монашеской жизни — в отсечении страстей и достижении бесстрастия. «Образ монашества называется ангельским; значит, кто живет истинно по-монашески, тот живет ангельски, то есть бесстрастно, в целомудренной чистоте, и кротости, и смирении. Но при пострижении более всего высказываются случаи и поводы к терпению, потому что без терпения ни одна из вышесказанных трех добродетелей не исправляется, колыми паче кротость»²³⁸.

Для того, чтобы безбедно шествовать по правильному пути духовной жизни, христианину необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Это тем более необходимо для инока. Живущих же по внушению собственных мыслей старец Амвросий предостерегает от опасности: «По мысленным внушениям, и то с рассуждением и великим рассмотрением, живут одни только совершенные. А новоначальные, и немощные, и страстные должны жить под правилом»²³⁹ и руководством. Поэтому старец всегда — и в беседах, и в письмах — убеждал в необходимости покорять свою волю руководству более опытного в духовной жизни наставника. А до тех пор, пока человек не найдет себе духовного руководителя, он должен согласовывать свою жизнь с Евангельскими заповедями, в них искать ответ на свои духовные запросы, на них опираться при разрешении своих недоумений, внимать себе и не слишком ретиво браться за одни внешние подвиги²⁴⁰.

По словам старца Амвросия, в монастыре нужно проводить странническую жизнь, достигая внутреннего монашества, прежде всего вниманием к себе и молчанием. «Старайся жить в монастыре страннически, себе внимая и помалкивая и не входя ни в какие дела. Тогда и уразумеешь самым делом апостольское слово! «Любящим Бога вся спешествует во благо»²⁴¹.

Поступившим в монастырь и принявшим на себя ангельский образ старец Амвросий советует постоянно бодрствовать над собой и не допускать в сердце колебаний, даже мысли о возвращении к прежней мирской жизни. «Воспринявшие монашество и оставившие оное, — пишет он, — уподобляются Иуде предателю, который ни у кого не просил на это дозволения, а самовольно предал, и сам терпит горькую участь свою во аде. У кого есть сколько-нибудь еще смысла, тот не должен решаться подражать такому жалкому и злополучному человеку, а лучше пусть потерпит временные неудобства и временную малую скорбь, чтобы получить вечную милость Божию велику»²⁴².

По мнению старца, «монашество само по себе имеет великую важность духовную и приносит большую пользу душевную тем, кто приступает к оному с искренним расположением, проходит оное с простотою и незлобием во смирении»²⁴³. Поэтому истинную монашескую жизнь преподобный Амвросий уподобляет мученичеству, продолжительному, ежедневному и добровольному²⁴⁴.

9. Частные наставления мирянам

К старцу Амвросию многие обращались — в беседах и письмах — с различными вопросами, касающимися семейной жизни, прося его совета. Старец всегда живо откликался на нужды людей. Так, в его письмах можно найти мудрые наставления родителям о заблудших чадах²⁴⁵, советы относительно вступления в брак, христианского воспитания детей, искоренения страстей табакокурения²⁴⁶ и винопития, а также утешения семьям, потерявшим близких лиц.

Желавшим вступить в брак старец не сразу давал благословение, а советовал навестить «справки о невесте, чтобы узнать ее обстоятельно; и если действительно окажется хороша, то и Бог благословит»²⁴⁷. Вступивших в брак он поучал жить в согласии, мире и любви и все супружеские тяжести нести вместе. «Если бы супруги ровно, по-христиански разделяли тяготу

жизни своей, — говорит старец, — тогда людям и на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают упруги, оба или один, ...то наше благополучие земное и не упрочивается»²⁴⁸.

На воспитание детей преподобный Амвросий обращал особое внимание, потому что очень многое зависит от того, как младенец будет воспитан в детском возрасте. «Что вы благое посеете в душах своих детей в их юности, — пишет он, — то может после прозябнуть в сердцах их, когда они придут в зрелое мужество»²⁴⁹. Для ясного понимания христианской жизни старец советует родителям читать детям «Священную Историю и чтение житий святых, по выбору, незаметно насывая в них семена страха Божия и христианской жизни; и особенно нужно с помощью Божиею суметь им внушить, как важно хранение заповедей Божиих и какие бедственные последствия бывают от нарушения оных»²⁵⁰. Старец рекомендует родителям побуждать детей к заучиванию некоторых молитв, например: «Символа веры» и избранных псалмов: «Живый в помощи Вышняго», «Господь просвещение мое»²⁵¹.

Своей молитвой старец Амвросий многих врачевал как от телесных болезней и пороков, так и от душевных скорбей. Но чтобы скрыть силу своей молитвы от взора людей, он одним советом принести чистосердечное раскаяние в грехах, другим рекомендовал отслужить молебен перед образом Божией Матери. Страдавшим вредным пороком пьянства старец Амвросий советовал молиться с усердием св. Иоанну, Крестителю Господню, и св. мученику Бонифатию, а также читать молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». При этом он рекомендует полагать по 33 поклона²⁵².

В письмах оптинского старца содержится также немало наставлений, преисполненных утешения семейным людям, сердечного соучастия в их скорбях и переживаниях²⁵³. Яркими жизненными примерами старец предостерегал людей от непомерной скорби и ропота. Несмотря на то, что он сам никогда не был связан узами семейной жизни, он не замыкался в узком кругу монашеских интересов, но всегда сострадал и людям семейным. Его наставления как монашеским, так и мирянам преисполнены духовного и жизненного опыта. Они свидетельствуют, что старец имел особый, благодатный дар духовной мудрости.

Заключение

Сделав краткий обзор подвижнической жизни оптинского старца преподобного Амвросия и его эпистолярного наследия, можно с полной уверенностью сказать, что душа его была озарена Божественной благодатью, которая как из обильного источника изливалась и на души всех, притекавших к его духовному окормлению. Старец Амвросий являет собою яркий пример для подражания всем ищущим спасения. В образе этого великого старца светлыми чертами запечатлевается ясный, богопросвещенный ум и любвеобильное сердце. Всю свою жизнь он был не только великим проповедником Царствия Христова, но и живым носителем этого Царствия. Старец не только звал к свету и духовному обновлению, но и сам был светильником, который светил и привлекал всех, кто желал идти по стопам Спасителя.

Под животворными лучами его самоотверженной любви смирялось всякое горделивое сердце, холодные и окаменелые проливали благодатные слезы, колеблящиеся утвердились и возвращались на истинный путь. Все, кто только соприкасался с этим дивным старцем, уходили от него жизнерадостными и утешенными.

Оптинский старец Амвросий воистину был одним из глубочайших знатоков душ человеческих, опытным врачевателем духовных недугов, мудрым и любвеобильным наставником. Его письма, дошедшие до нас, являются прекрасным руководством всем идущим по пути ко спасению. Они раскрывают полную и ясную картину духовной жизни человека, указывают ему высшую цель — Царство Небесное и пути достижения его.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорий, архим. Сказание о житии оптинского старца Амвросия. М., 1893, с. 16.

² Достопамятные сказания о подвижничестве отцов. М., 1845, с. 8.

³ Св. Василий Великий. Творения, в русск. пер. М., 1858, ч. 5, с. 157—158.

⁴ Преп. Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1869, Слово XXVI.

⁵ Оптина пустынь расположена в трех километрах от древнего города Козельска, на правом берегу р. Жиздры. По преданию, обитель была основана покаявшимся разбойником Оптою в начале XV в. Существует и другое мнение, что это был первоначально общий монастырь, в котором жили монашествующие — старцы и старицы. Это мнение подтверждается древними синодиками пустыни, в которых записаны имена схимонахов и схимонахинь. Русское слово «опт» выражает общее количество чего-либо. Отсюда «Оптин монастырь» — в смысле общий монастырь. Достоверные сведения об Оптиной пустыни появляются в XVI в. В XVIII в. обитель пришла в запустение. Только в конце того же столетия усилиями Московского митро-

полита Платона Оптиная пустынь возрождается и в XIX в. приобретает известность и славу благодаря подвизавшимся в ней в это время великим старцам: Льву, Макарию, Амвросию и другим.

⁶ *Четвериков С., прот.* Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Козельской Оптиной пустыни. 1912, с. 59.

⁷ Александр был шестым ребенком в семье.

⁸ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1909, с. 442.

⁹ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 25.

¹⁰ Там же, с. 26.

¹¹ *Поселянин Е.* Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб., 1907, с. 10.

¹² *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 29.

¹³ Там же.

¹⁴ Жизнеописания отечественных подвижников... с. 148.

¹⁵ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 32.

¹⁶ *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 13.

¹⁷ Там же, с. 18.

¹⁸ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 32.

¹⁹ Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. (Далее: Жизнеописание...) М., 1900, ч. 1, с. 23.

²⁰ Жизнеописание..., с. 25.

²¹ Там же, с. 27.

²² *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 89.

²³ Жизнеописание..., с. 27.

²⁴ *Григорий, архим.* Цит. соч., с. 30.

²⁵ Жизнеописание..., с. 31.

²⁶ Там же,

²⁷ Там же, с. 32.

²⁸ Там же, с. 34.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 33.

³² Там же.

³³ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 92.

³⁴ Там же, с. 93.

³⁵ У него то усиливался катар желудка и кишок, то открывалась рвота, то ощущалась нервная болезнь, то простуда с лихорадочным ознобом. К тому же стали появляться геморроидальные страдания, которые по временам до того измощдали страдальца, что он лежал в постели, словно мертвый. (Жизнеописание..., с. 48).

³⁶ Жизнеописание..., с. 49.

³⁷ Там же, с. 50.

³⁸ *Амвросий, иеросхимонах.* Письма к монашествующим. Сергиев Посад, 1908, вып. 1, с. 152.

³⁹ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 121.

⁴⁰ Жизнеописание..., с. 75.

⁴¹ Там же, с. 85.

⁴² Там же, с. 73.

⁴³ Там же, с. 78.

⁴⁴ Там же, с. 85.

⁴⁵ Там же, с. 81.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Амвросий, иеросхимонах.* Цит. соч., с. 156.

⁴⁸ Ч-н Ф. П. Тяжелая утрата. 2-е изд. М., 1892, с. 23.

⁴⁹ Жизнеописание..., с. 74.

⁵⁰ Там же, с. 72.

⁵¹ Там же, с. 67.

⁵² Там же, с. 71.

⁵³ *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 80.

⁵⁴ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 182.

⁵⁵ Жизнеописание, с. 120.

⁵⁶ *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 203.

⁵⁷ Там же, с. 204.

⁵⁸ Там же, с. 206.

⁵⁹ Там же, с. 256.

- 60 Там же.
- 61 Казанская Амвросиевская женская пустынь и ее основатель оптинский старец иеромонах Амвросий. Изд. Оптиной пустыни, 1908, с. 78.
- 62 *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 125.
- 63 Там же.
- 64 Жизнеописание отечественных подвижников, с. 229.
- 65 Там же.
- 66 *Григорий, архим.* Цит. соч., с. 61.
- 67 Там же, с. 60.
- 68 *Е. В.* История Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1906, с. 35.
- 69 Жизнеописание..., с. 64.
- 70 Там же.
- 71 Там же, с. 79.
- 72 *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 76.
- 73 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 179.
- 74 Там же.
- 75 Жизнеописание..., с. 97.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Там же, с. 82.
- 79 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 81.
- 80 Жизнеописание..., с. 81.
- 81 Там же, с. 92.
- 82 Там же, с. 93.
- 83 Там же.
- 84 Жизнеописание отечественных подвижников, с. 197.
- 85 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 125.
- 86 Жизнеописание отечественных подвижников, с. 175.
- 87 *Леонтьев К.* Отец Климент Зедегерольм — иеромонах Оптиной пустыни. М., 1882, с. 4.
- 88 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 193.
- 89 Отец Иосиф — начальник Оптинского скита. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни. М., 1897, с. 8.
- 90 *Поселянин Е.* Цит. соч., с. 115.
- 91 *Розанов В.* Около церковных стен. СПб., 1906, т. 2, с. 115.
- 92 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 194.
- 93 *Е. В.* Цит. соч., с. 24.
- 94 *Е. В.* Цит. соч., с. 24. В этой же статье сообщается, что Л. Н. Толстой посещал старца Иосифа после кончины о. Амвросия (с. 25), а также приехал в Оптину пустынь в последний год своей жизни, собираясь надолго остановиться в близлежащей деревне (с. 27).
- 95 *Розанов В.* Цит. соч., с. 123.
- 96 Там же, с. 118.
- 97 Там же, с. 119.
- 98 Жизнеописание..., с. 95.
- 99 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 18. ¹⁰⁰ Там же, с. 127.
- 101 ГБЛ, ф. 214, № 361. Летопись скита Оптиной пустыни 1852—1860, л. 281 об., 282.
- 102 *Четвериков С., прот.* Цит. соч., с. 279.
- 103 Жизнеописание... с. 116.
- 104 Казанская Амвросиевская женская пустынь Калужской губернии. Изд. Оптиной пустыни, 1908, с. 33.
- 105 Жизнеописание..., с. 118.
- 106 Казанская Амвросиевская женская пустынь, с. 50.
- 107 Там же.
- 108 Там же, с. 38.
- 109 Там же, с. 95.
- 110 Там же, с. 96.
- 111 Там же, с. 99.
- 112 Там же, с. 104.
- 113 Там же, с. 106.
- 114 *Ч.-н. Ф. П.* Цит. соч., с. 51.
- 115 Жизнеописание..., ч. 2, с. 133.
- 116 Казанская Амвросиевская женская пустынь, с. 108.
- 117 Там же, с. 115.
- 118 Там же.
- 119 Жизнеописание..., ч. 2, с. 146.

- ¹²⁰ Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908, вып. 1. Сергиев Посад, 1909, вып. 2.
- ¹²¹ Четвериков С., *прот.* Цит. соч., с. 277.
- ¹²² Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. 2-е изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908, ч. 1, с. 41.
- ¹²³ Письма к монашествующим, вып. 2, с. 85.
- ¹²⁴ Там же, вып. 1, с. 3.
- ¹²⁵ Там же, с. 30.
- ¹²⁶ Там же, вып. 2, с. 112.
- ¹²⁷ Письма к мирским, ч. 1, с. 220.
- ¹²⁸ Там же, с. 11.
- ¹²⁹ Там же, с. 90.
- ¹³⁰ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 30.
- ¹³¹ Там же, вып. 2, с. 32.
- ¹³² Там же, с. 108.
- ¹³³ Там же, вып. 1, с. 55.
- ¹³⁴ Там же, с. 165.
- ¹³⁵ Там же, с. 34.
- ¹³⁶ Там же, с. 77.
- ¹³⁷ Там же, вып. 2, с. 77.
- ¹³⁸ Там же, с. 37.
- ¹³⁹ Там же, вып. 1, с. 46.
- ¹⁴⁰ Там же, вып. 2, с. 37.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же, с. 47.
- ¹⁴³ Там же, вып. 1, с. 53.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 137.
- ¹⁴⁵ Письма. — Душеполезное чтение, 1908, ч. I, с. 260.
- ¹⁴⁶ Письма к монашествующим, вып. 2, с. 67.
- ¹⁴⁷ Письма. — Душеполезное чтение, 1908, ч. I, с. 260.
- ¹⁴⁸ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 69.
- ¹⁴⁹ Письма. — Душеполезное чтение. 1910, ч. III, с. 48.
- ¹⁵⁰ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 114.
- ¹⁵¹ Там же, с. 120.
- ¹⁵² Письма к мирским, ч. I, с. 149—150.
- ¹⁵³ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 63.
- ¹⁵⁴ Там же, вып. 2, с. 29—30.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 143.
- ¹⁵⁶ Письма. — Душеполезное чтение. 1908, ч. I, с. 262.
- ¹⁵⁷ Письма к монашествующим, вып. 2, с. 21.
- ¹⁵⁸ Там же, вып. 1, с. 18.
- ¹⁵⁹ Там же, вып. 2, с. 92.
- ¹⁶⁰ Там же, вып. 1, с. 79.
- ¹⁶¹ Там же, вып. 2, с. 17.
- ¹⁶² Письма. — Душеполезное чтение, 1910, ч. III, с. 48.
- ¹⁶³ Там же, июль — сентябрь, с. 359.
- ¹⁶⁴ Письма к монашествующим, вып. 2, с. 41.
- ¹⁶⁵ Письма к мирским, ч. I, с. 88.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 27.
- ¹⁶⁷ Письма к мирским, ч. I, с. 40.
- ¹⁶⁸ Письма. — Душеполезное чтение. 1909, ч. II, с. 221.
- ¹⁶⁹ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 56.
- ¹⁷⁰ Письма к мирским, ч. I, с. 198.
- ¹⁷¹ Там же, с. 105.
- ¹⁷² Там же, с. 71.
- ¹⁷³ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 40—41.
- ¹⁷⁴ Письма к мирским, ч. I, п. 30, с. 40.
- ¹⁷⁵ Письма к монашествующим, вып. 1, с. 150.
- ¹⁷⁶ Там же, вып. 2, с. 103.
- ¹⁷⁷ Там же, вып. 1, с. 60.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 193.
- ¹⁷⁹ Письма к мирским, ч. I, с. 40.
- ¹⁸⁰ Письма к монашествующим, вып. 2, с. 70.
- ¹⁸¹ Письма к мирским, ч. I, с. 151.

- 182 Письма к монашествующим, вып. 2, с. 111.
183 Там же, вып. 1, с. 197.
184 Там же, с. 114.
185 Письма к монашествующим, вып. 1, с. 129—130.
186 Там же, вып. 2, с. 140.
187 Там же, с. 44.
188 Там же, с. 20.
189 Там же, вып. 1, с. 83.
190 Там же, с. 69.
191 Там же, с. 83.
192 Там же, вып. 2, с. 96.
193 Там же, с. 126—127.
194 Там же, с. 42.
195 Там же, с. 26.
196 Там же, с. 136.
197 Там же, вып. 1, с. 82.
198 Там же, вып. 2, с. 97.
199 Там же, вып. 1, с. 97.
200 Там же, с. 50.
201 Там же, с. 54.
202 Там же, вып. 2, с. 97.
203 Там же, вып. 1, с. 138.
204 Там же, с. 122.
205 Письма. — Душеполезное чтение. 1909, ч. II, с. 161.
206 Письма к монашествующим, вып. 2, с. 17—18.
207 Там же, с. 143.
208 Там же.
209 Там же, вып. 1, с. 80.
210 Там же, с. 97.
211 Там же, с. 100.
212 Там же, с. 105.
213 Там же, вып. 2, с. 35.
214 Там же, вып. 1, с. 16.
215 Там же, с. 17.
216 Там же, с. 17.
217 Там же, с. 61.
218 Письма к мирским, ч. I, с. 133.
219 Письма к монашествующим, вып. 2, с. 100.
220 Там же, с. 52.
221 Там же, вып. 1, с. 72.
222 Письма к мирским, ч. I, с. 200.
223 Письма к монашествующим, вып. 1, с. 27.
224 Там же, с. 28.
225 Там же, с. 37.
226 Там же, вып. 2, с. 21.
227 Там же, вып. 2, с. 71.
228 Письма к мирским, ч. II, с. 43.
229 Письма к монашествующим, вып. 2, с. 69.
230 Там же, вып. 1, с. 91.
231 Там же, с. 45.
232 Письма к мирским, ч. I, с. 217.
233 Письма к монашествующим, вып. 1, с. 92.
234 Там же, с. 92.
235 Письма к мирским, ч. I, с. 136.
236 Письма к монашествующим, вып. 1, с. 100.
237 Там же, с. 101—102.
238 Там же, с. 115.
239 Там же, с. 110.
240 Там же, с. 67.
241 Там же, вып. 2, с. 53.
242 Там же, с. 81.
243 Письма к мирским, ч. I, с. 31.
244 Письма к монашествующим, вып. 2, с. 38.
245 Письма к мирским, ч. I, с. 149.

- ²⁴⁶ Там же, с. 109—110.
²⁴⁷ Там же, с. 151—152.
²⁴⁸ Там же, с. 152.
²⁴⁹ Там же, с. 102.
²⁵⁰ Там же, с. 134.
²⁵¹ Там же, с. 110.
²⁵² Там же, с. 164.
²⁵³ Там же, с. 100, 173.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Отец Амвросий — оптинский старец. Тамбов, 1912.
2. *Св. Василий Великий*. Творения, в русск. пер. М., 1858, ч. 5.
3. *В. В. Схимонахиня София* — первая настоятельница Казанской Амвросиевской женской пустыни. Шамордино, 1913.
4. Венок от Шамордина на могилу оптинского старца Амвросия. 1912.
5. В Оптиной пустыни. Из серии «Троицкая народная беседа». 1908.
6. *Григорий, архим.* Сказание о житии оптинского старца отца неросхимонаха Амвросия. М., 1893.
7. Добротолюбие, в русск. пер. М., 1884, доп. т. II.
8. *Преп. авва Доротеф*. Душеполезные поучения и наставления. М., 1888.
9. Достопамятные сказания о подвижничестве отцов. М., 1845.
10. Душеполезные наставления старца Оптиной пустыни неросхимонаха Амвросия. М., 1898.
11. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губ.). Оптина пустынь, 1902.
12. *Е. В.* История Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1906.
13. *Е. В.* Краткое сказание о жизни оптинского старца неросхимонаха о. Амвросия. С приложением избранных поучений его. 3-е изд. Сергиев Посад, 1908.
14. *Николаев Е. В.* По Калужской земле. «Искусство». М., 1968.
15. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца неросхимонаха Амвросия. М., 1900.
16. Жизнеописание старца Оптиной пустыни неросхимонаха Иларiona. Калуга, 1897.
17. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. М., 1909, октябрь, ч. 1.
18. Избранные места из писем к семейным особам. М., 1897.
19. Отец Иосиф — начальник Оптинского скита. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни. М., 1897.
20. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 4-е изд. М., 1885.
21. Казанская Амвросиевская женская пустынь Калужской губ., при с. Шамордино и ее основатель оптинский старец неросхимонах Амвросий. Изд. Пустыни, 1908.
22. *Леонтьев К.* Отец Климент Зедеггольм — неромонах Оптиной пустыни. М., 1882.
23. *Преп. Иоанн Лествичник*. Лествица. М., 1869.
24. *Лясковский В.* Братья Киреевские, жизнь и труды их. Вып. 2. СПб., 1899.
25. На службе Богу — на службе ближним. (По письмам оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия.) 4-е изд. Казанская Амвросиевская женская пустынь, 1909.
26. *Н. В.* Оптинский старец о. Амвросий. М., 1892.
27. *Поселянин Е.* Детская вера и оптинский старец Амвросий. СПб., 1901.
28. Он же. Проповедник нашего времени оптинский старец Амвросий. Жизнь его и подвиги. СПб., 1907.
29. Он же. Святая земля русской. СПб., 1917.
30. Поучения старца неросхимонаха Амвросия о том, сколько много мы заботимся о теле и сколь мало о душе, а также о покаянии. М., 1896.
31. *Розанов В.* Около церковных стен. СПб., 1906, т. 2.
32. Святые горы и Оптина пустынь. СПб., 1852.
33. Сборник писем и статей оптинского старца неросхимонаха о. Амвросия. М., 1894, ч. 1.
34. То же. М., 1897, ч. 2.
35. Собрание писем блаженной памяти оптинского старца неросхимонаха Амвросия к мирским особам. Сергиев Посад, 1908, ч. 1.
36. Собрание писем оптинского старца неросхимонаха Амвросия к монашествующим. Сергиев Посад, 1908, вып. 1.
37. То же. Сергиев Посад, 1909, вып. 2.

38. Smolitsch I. *Leben und Lehre der Starzen*. Wien, 1936.
39. Smolitsch I. *Das russisches Mönchtum*, 1953.
40. Соколов Д. Значение Козельской Оптиной пустыни в XIX столетии. Калуга, 1898.
41. Симон, архим. Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Доклад (машинопись). Журнал Совета, т. I, 1966, № 1.
42. Трифон, епископ. Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий. Сергиев Посад, 1912.
43. Успенский С. Е. Учитель благочестивой жизни оптинский старец Амвросий, 1904.
44. Феофан Затворник, епископ. Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения? М., 1899.
45. Ч-н Ф. П. Тяжелая утрата (Оптинский старец Амвросий).
46. Четвериков С., прот. Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Козельской Оптиной пустыни, 1912.
47. Он же. Оптина пустынь. Париж, 1930.
48. Иеросхимонах Амвросий, оптинский старец. (Некролог). — Душеполезное чтение. М., 1892.
49. Григорий (Борисоглебский), иеромонах. Сказание о житии оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — Душеполезное чтение. М., 1892.
50. Знаменский Ф., проф. Поездка в Оптину пустынь. — Церковные ведомости, 1901, № 37.
51. Лосский В. Старец Амвросий. Париж, 1962.
52. Изречения старца Амвросия оптинского, записанные преимущественно сестрами Шамординской общины. — Душеполезное чтение. М., 1892.
53. Козельская Оптина пустынь и ее значение в истории русского монашества. — ЧОЛДП, отд. I, 1893.
54. Памяти почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — Церковные ведомости, 1891, № 44.
55. Поселянин Е. Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. — Нива, 1892, № 8.
56. Памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — Русский паломник, 1892, № 2.
57. Старец иеросхимонах Амвросий. — Калужские епархиальные ведомости, 1891, № 20.
58. Сахаров Н. В тихом пристанище. — Душеполезное чтение, 1899, № 11.
59. Письма оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — Душеполезное чтение. М., 1908, ч. I, III; 1909, ч. I, II, III; 1910, ч. III; 1912, ч. II, III,

Рукописи Государственной Публичной библиотеки им. Ленина
Оптинское собрание

60. Летопись выдающихся событий скитской жизни за 1916 (с окт.) — 1918 по 4-е июня. Ф. 214, оп. 359, 360, 361, 363, 364, 368.
61. Книга записей приезжающих в гостиницу Оптиной пустыни за 1910 (август) — 1914. Ф. 214, оп. 369.
62. Амвросий — иеросхимонах Оптиной пустыни. Письма к Толстому Александру Петровичу. А., 1856, ч. I, с. 5—7.
63. Оренков А. Письма к Голубинскому Д. Д. Голуб. II, 8, 13.
64. Материалы из архива Феодора Захаровича Ключарева. Ф. 214, оп. 325.
65. Летопись скита Оптиной пустыни за 1900—1916 гг. (по сентябрь). Ф. 214, оп. 367.
66. Амвросий, иеросхимонах Оптиной пустыни. «Замечательное сновидение, трижды повторенное». А., 1856, ч. I, с. 5—7.